

ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ СИБИРИ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ память основанія Камчатскаго Православнаго Братства во имя
Нерукотворнаго Образа Всмилоушнаго Спаса.

Почетнымъ почитаемымъ, учредителемъ и членамъ Братства
НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ
отъ Камчатскаго Висшимаго
Іеромонаха **НЕСТОРА**.

звѣз 34

шкафъ 85

полка 6

№ 1170

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Отечественная типографія. Шпалерная, 26.

1910

ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ СИБИРИ

(историческій очеркъ).

Водвореніе Православія въ Сибири началось при самомъ завоеваніи ея. Покоритель Сибири Василій Тимофѣевичъ Ермакъ, какъ свидѣтельствуеъ Ремезова лѣтопись, особо чтилъ Св. Николая Чудотворца и еще весною 1579 года на мѣстѣ перваго своего зимовья у р. Сырвы передъ походомъ въ Сибирь соорудилъ часовню во имя Св. Николая—тамъ, гдѣ теперь „Ермаково Городище“. Затѣмъ, въ 1580—81 г. во время своего геройскаго похода въ эту страну идолопоклонства, смѣшаннаго съ привитыми мечомъ Хана Кучума магометанскими понятіями, онъ имѣлъ при себѣ трехъ священниковъ и монаха, совершавшихъ богослуженія въ подвижной часовнѣ. Особо-чтимою святынею былъ у нихъ образъ Святителя Николая Чудотворца, съ которымъ послѣ Ермака отважные казаки и стрѣльцы продолжали дѣло дальнѣйшаго покоренія Сибири. Эта древняя походная святыня покорителей Сибири хранилась впоследствии въ Тобольской архіерейской ризницѣ, а затѣмъ въ юнѣ 1826 года, въ день коронаванія Императора Николая Павловича, была поднесена ему преосвященнымъ Евгеніемъ Казанцевымъ, и сдѣлалась съ тѣхъ поръ благодатнымъ наслѣдіемъ Царствующаго Дома. Другія двѣ древнія иконы изъ походной часовни Ермака хранятся въ соборѣ г.

Верезова, какъ даръ казаковъ Ермака (См. „Оренб. губ. вѣд.“ 1881 г., № 39).

Такимъ образомъ, первые пути въ Сибирь для нашей православной государственности были проторены въ предшествіи Св. Николая Чудотворца самоотверженіемъ благочестивыхъ воиновъ и сопутствовавшихъ имъ священнослужителей, имена которыхъ, къ сожалѣнію, не сохранились въ исторіи. Доказательствомъ того, что герои Ермака, а по ихъ примѣру и всѣ поселявшіеся въ Сибири русскіе люди приписывали свои ратные успѣхи не столько себѣ, сколько благодатной помощи Господа и свитыхъ Его, служатъ слѣдующія слова лѣтописи Саввы Есипова: — „Приде же Ермакъ съ товарищи во градъ Сибирь, сирѣчь Искеръ, въ лѣто 7089 (1581) октября дня 26 на память святаго великомученика Дмитрія Селунскаго прославиша Бога, давашаго имъ таковую побѣду на окаянныхъ агарянь и идолопоклонникъ, радостію радующеса*. Съ тѣхъ поръ установился въ Тобольскѣ благочестивый обычай особо чтить день св. Дмитрія Селунскаго—современника Царицы Александры, св. Георгія Побѣдоносца и его родотвенницы св. Равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи, воспріявшаго одну съ ними мученическую славу.

Въ теченіи первыхъ 5-ти лѣтъ со времени появленія Ермака въ предѣлахъ Сибирскихъ уже такъ прочно водворилось тамъ русское вліяніе, что въ 1586 году былъ заложенъ воеводою Сукинымъ первый русскій городъ Тюмень съ двумя храмами: одинъ во имя Св. Николая Чудотворца съ придѣломъ Θεодора Стратилата—ангела царствовавшаго въ то время Θεодора Іоанновича,—и другой во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1587 году основанъ близъ раззоренной Ермакомъ Кучумовой сто-

лицы Искера (Кучумово городище въ 6 вер. отъ с. Абалакского) городъ Тобольскъ, „укрѣпленный, — какъ говорится въ лѣтописи, — церковью во имя Перукотвореннаго Образа Всемиловитваго Спаса и Св. Николая Чудотворца“.

Велѣдъ за основаніемъ городонъ Тюмени и Тобольска послѣдовала царская грамота 3-го мая 1590 года, подтвержденная указомъ 1597 года, объ устройствѣ быта переселившихся въ Сибирь многихъ русскихъ людей изъ Каргополи, Сольвычегодска, Устюга, Вятки и др. мѣстъ:— „Чтобы у каждаго хозяина, — говорится въ наказахъ Тобольскому воеводѣ Чулкому — было по три мерина добрыхъ, да по три коровы да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пятачку куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телега, да разъ по 25 рублей деньгами“. Въ такой удивительной по тому времени попечительности о сибирскихъ переселенцахъ сказалось сознаніе правительства, что край Сибири заслуживаетъ особенно теплой заботливости, какъ страна великихъ богатствъ. Вѣдь уже въ 1594 году царь Феодоръ Іоанновичъ имѣлъ случай отъ щедротъ Сибири пожертвовать Австріи въ видѣ субсидіи на 45,000 р. соболей. Субсидія по тогдашнему времени колоссальная!

Притокъ православныхъ людей въ Сибирь въ періодъ первыхъ же 25-ти лѣтъ со времени ея присоединенія къ русской державѣ былъ настолько великъ, что города возникали одинъ за другимъ, „укрѣпляемые храмами“. Уже къ 1607 году государственная власть располагала городскими поселеніями Пельма, Березова, Тары, Сургута, Обдорска, Нарьма, Еланчина (Туринскъ), Кетска, Томска, Кузнецка, Туруханска и Ени-

сейска, изъ которыхъ въ Пелымскомъ острогѣ, равно какъ въ Тюмени и Тобольскѣ, еще въ 1596 году были устроены на средства казны командированными изъ Москвы мастерами большія мукомольныя мельницы. Съ 1613 года возникло „Царево городище“, переименованное въ 1782 году въ городъ „Курганъ“.

Духовное попеченіе о Сибирской области по повелѣнію царя Іоанна IV принадлежало архіепископу Вологодскому и Великопермскому. Поэтому первые священнослужители явились въ Сибирь, главнымъ образомъ, изъ Вологды и Устюга. Каждому отъѣзжавшему въ Сибирь священнику полагалось отъ казны жалованіе, по 8 рублей „денгами“, по 5-ти четвертей ржаной муки, по четверти крупъ и по столько же толокна. Это обезпеченіе было очень значительнымъ по тому времени и очень существеннымъ. Опираясь на заботы и пособія самой государственной власти, священнослужители безбоязненно шли въ дикую Сибирь. Ихъ апостольское усердіе повсюду, такъ сказать, расчищало мѣста для появленія поселеній, и подъ ихъ духовно-правственнымъ вліаніемъ прочно водворялись миръ и согласіе между пришлымъ и кореннымъ людомъ Сибири и поэтому положительно складывалась жизнь населенія. О благодарной памяти Сибири къ царю Іоанну Грозному за его первыя попеченія объ ея духовномъ устроеніи свидѣтельствуетъ въ Тобольскомъ соборѣ древняя икона, на которой Премудрость Слова Божія изображена на древѣ, при корени котораго стоитъ царь Іоаннъ съ московскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, а на вѣтвяхъ воссѣдаютъ 6 первыхъ сибирскихъ архіепископовъ, положившіе твердое основаніе православному просвѣщенію въ Сибири.

Быстрое возникновеніе городовъ съ послѣдо-

вательнымъ, равномернымъ и дружнымъ распределеніемъ ихъ по Сибирской странѣ служить яснымъ доказательствомъ, что волна заселенія края, управляемая предшествовавшемъ свѣту Божественнаго Православія, была въ то время по своей сущности именно мирнымъ побѣднымъ шествіемъ русской государственности сквозь дебри Сибири. Даже Кодское и Обдорское языческія княжества воинственной финской отрасли остяковъ, находившіяся по берегамъ р. Оби и отбившія въ періодъ 1549—51 г.г. Югорской-Обдорской походъ московскаго воеводы Ивана Бразника, не устояли передъ побѣдоноснымъ свѣтомъ Православія и быстро покорились русской власти. Изъ остяцкихъ князей первымъ принять православіе Обдорскій Анда съ именемъ Василя и построить въ 1600 году въ своемъ Обдорскѣ церковь Св. Василя Великаго. А два года спустя обратилась въ православіе вся языческая семья Кодекаго остяцкаго князя Игичей и самъ Игичей съ именемъ Александра Алашеева, — и соорудили они въ своемъ княжествѣ храмъ во имя Зосимы и Савватія Соловецкихъ Чудотворцевъ (Древ. Рос. Вивліоника, ч. I подъ 7141 годомъ).

Тѣмъ не менѣе, при дальности разстояній новыхъ русскихъ поселеній Сибири отъ центральной духовной и государственной власти, быстрое развитіе тамъ православной жизни уже въ началѣ XVII вѣка потребовало для себя устройства мѣстныхъ духовно-просвѣтительныхъ организаций. И вотъ къ этой-то сибирской нуждѣ прежде всего явились на помощь монахи, подготовленные школою иночества XIV и XV в. в., прославившею себя въ коренной Руси удивительною культурною предприимчивостью.

Самоотверженные монахи, вѣрные просвѣти-

тельнымъ завѣтамъ великихъ національно-религиозныхъ собирателей Св. Руси XIV в. Св. Алексія митрополита Московскаго, епископа Стефана Великопермскаго и Преподобнаго Сергія Гадонежскаго и ихъ приснопамятныхъ учениковъ и послѣдователей, — успѣшили основать въ Сибири въ самомъ началѣ XVII вѣка нѣсколько монастырей, послужившихъ школами для просвѣщенія и пріютами для старыхъ и малыхъ. Первыми сибирскими монастырями были: — въ Тобольскѣ, основанный въ 1601 году во имя Св. Зосимы и Савватія, въ Еланчинѣ (Туринскѣ), основанный въ 1604 году во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и въ Тюмени Преображенскій, основанный въ 1616 году привезшимъ изъ Казани монахомъ Нифонтомъ.

Указанное государственное строительство въ Сибири, одушевляемое православнымъ просвѣщеніемъ, совершалось съ удивительными успѣхами какъ разъ въ такіе годы, когда сама коренная Русь нанивала отъ смуть самозванщины. Сибирскіе поселенцы одни изъ всего русскаго населенія не поддались тогда долетавшимъ до нихъ буйнымъ слухамъ и оставались вѣрными своему свято-русскому долгу. Торжественными молебнами ознаменовала Сибирь радостное полученіе въ 1612 году окружныхъ посланій князей Пожарскаго и Трубецкого объ очищеніи Москвы отъ поляковъ и „перелетовъ“ — измѣнниковъ. Съ еще большею торжественностью встрѣтила Сибирь разосланную во все города записку Московскаго Земскаго Собора 6-го февраля 1613 года объ набраніи боярина Михаила Феодоровича Романова на царство. Однако, не смотря на преданность вѣрноподданническому долгу, Сибирь еще со временъ Бориса Годунова сдѣлалась мѣстомъ

ссылки. При Годуновѣ въ нее были сосланы несчастные угличане по дѣлу убійства Царевича Дмитрія. Потомъ стали появляться ссыльные казаки и стрѣльцы и, наконецъ, всевозможные военнопленные. Такъ погибла чистота нравовъ сибирскихъ въ омутѣ шельмованнаго порока.

Новоизбранный царь Михаилъ вскорѣ отозвался на сибирскую любовь особенною отеческою любовью, выразившеюся, наприм., въ томъ, что онъ въ 1614 году совместно съ боярскою Думою безусловно отказалъ англійскому посланнику Джону Мериду въ его ходатайствѣ о допускѣ англичанъ въ Сибирь. Государь Михаилъ особенно крѣпко помнилъ „сибирское милосердіе“, которое было оказано въ Пелыми сосланному его дядѣ Михаилу Никитичу, томившемуся въ душевной землнкѣ и питавшемуся молокомъ и жидкою снѣдью, которую ему подавали въ окошечко чрезъ дудочки пелымскія крестьянскія дѣти. За это милосердіе къ страдальцу пелымцы были вознаграждены отъ Михаила Теодоровича особою „обѣльною“ грамотою. Затѣмъ, немедленно по укрощеніи смутъ самозванщины и междуцарствія и по исправленіи вызванныхъ ими существенныхъ неурядицъ въ нравахъ и дѣлахъ державы, государь Михаилъ, по указанію своего родителя патріарха Филарета, учредилъ въ 1620 году для Сибири особую святительскую кафедру въ г. Тобольскѣ и даровалъ отъ казны жалованье духовенству.

По учрежденіи въ Сибири правильнаго средоточія церковной жизни лучше прежняго оживилось тамъ побѣдное шестаніе русской государственности.

Первый архіепископъ Сибирскій и Тобольскій Кипріанъ Старорусенковъ былъ изъ архимандріи

товъ Новгородскаго Спасскаго Хутынскаго монастыря. „Въси бо, — писалъ ему патріархъ Филаретъ—колики сокровища благочестивый и христілюбивый сынъ нашъ великій Государь Михайло Феодоровичъ и азъ истошихъ красоты ради церкви Божіей и человѣческаго спасенія, егда рукоположихъ тя Епископа быти въ далечайшей оной странѣ, да проповѣдь спасенія слова Божія растеть и множится“. При этомъ патріархъ поставлялъ владыкѣ Кипріану въ примѣръ для подражанія апостольство Стефана Великопермскаго (Собр. Гр. и Догов. т. III).

Архіепископъ Кипріанъ за 3 года святительства основалъ въ Сибири нѣсколько монастырей и церквей и упорядочилъ обители и приходы. Наконецъ, жалобой царю на безчинство и своеволие сибирскаго воеводы Матвѣя Годунова и другихъ правителей вызвалъ въ 1623 году строжайшее слѣдетвіе. Это слѣдетвіе, произведенное московскимъ сыщикомъ Иваномъ Спасителевымъ и подьячимъ Арефю Башмаковымъ, пресѣкло развитіе правственнаго зла и послужило основаніемъ для изданія необходимѣйшихъ по тому времени нѣсколькихъ царскихъ указовъ о томъ, чтобы воеводы безпрекословно солѣдствовали Сибирскому архиепископу въ дѣлѣ водворенія въ Сибири добронравія среди пастырей и пасомыхъ. За время недолгаго архиепископства Кипріана дѣятельныя силы православія успѣли широко распространить предѣлы своего вліянія. Въ Тарѣ возникъ монастырь во имя Нерукотвореннаго Образа, въ Томскѣ,—Успенскій, въ Туринскѣ—Николаевскій и въ Енисейскѣ—Рождественскій женскіе монастыри. Архіепископъ Кипріанъ положилъ основаніе обезпеченію архіерейской кафедры въ Тобольскѣ устройствомъ само-

стойтельнаго земледѣлія и сельскаго хозяйства на отведенныхъ пустопорожнихъ поляхъ при устьѣ р. Ницы. Ему же обязана исторія составленіемъ первой Сибирской Лѣтописи объ Ермаковыхъ и казацкихъ завоеваніяхъ и объ именахъ первыхъ русскихъ героев, подвизавшихся по покоренію Сибири. Владыкою Капріаномъ было установлено поминовеніе Ермака и его товарищей, совершаемое до нынѣ въ недѣлю православія. Онъ оставилъ Сибирь 15-го февраля 1624 года съ 30-ю храмами и 12-ю монастырями, въ которыхъ числилось бѣлаго духовенства до 300 и монаховъ и монахинь до 50-ти человѣкъ.

Преемникъ Капріана архіепископъ Макарій Кучинъ изъ игуменовъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря святительствовалъ въ Сибири съ неменьшею ревностью въ теченіи 10 лѣтъ со 2 го апрѣля 1626 года и скончался 24 іюля 1635 года. На сколько онъ былъ воодушевленъ чувствами вѣрноподданнаго русскаго человѣка видно изъ того, что по его приказанію сибирское населеніе весь 1629 годъ, въ который явился на свѣтъ долгожданный царевичъ Алексій Михайловичъ, праздновало каждое воскресенье молебнами и краснымъ колокольнымъ звономъ. Необычайно благостенъ былъ архіепастырь Макарій и правилъ паствою въ духѣ отеческихъ обличеній, совѣтовъ и моленій. Но не даромъ возвѣщено Господомъ черезъ пророка Исаяю:— „На кого воззрю, какъ только на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ“ (Ис. 66, 2). Поэтому, кроткій духъ управленія Макарія даже въ тѣ грубыя времена послужилъ только къ дальнѣйшему распространенію православнаго владычества по Сибири. Животворный свѣтъ христіанства не удер-

жимо разливался до Енисейска и Красноярска, оживляя русскую жизнь и разнося повсюду русский духъ. Въ дни архіепископа Макарія основанъ въ 1631 году при впаденіи р. Куты въ р. Лену Усть-Кутскій острогъ, гдѣ въ 1639 году была устроена первая соляная варница Ерофея Хабарова. А также заложенъ въ томъ же году Братскій острогъ противъ Падунскаго порога на р. Ангарѣ и, наконецъ, въ 1632 г. покорены казаками якуты (соха) и заложенъ нынѣшній Якутскъ. Все это водвореніе русскаго владычества въ киргизско-якутскомъ округѣ, бывшемъ удѣломъ четвертаго Чингисханова сына Тулая и его потомковъ, совершилось въ предшествованіи Креста Христова, воодушевлявшаго русскихъ героевъ къ перенесенію всякихъ трудностей. Но самымъ главнѣйшимъ дѣломъ владыки Макарія и духовенства была въ то время не только для Сибири, но и для всей Россіи первая пламенная проповѣдь противъ торга женщинами. Владыка Макарій, слѣдовательно, первый провозгласилъ въ XVII вѣкѣ о человѣческихъ правахъ женщины и этимъ положилъ начало признанію за женщиною право на бракъ по любви и на семью по материнству.

Третій архіепископъ Сибири Нектарій изъ игуменовъ Ниловой пустыни, предсказавшій царю Михаилу рожденіе царевича Алексія и бывший воспитателемъ царевича отъ купели, управлялъ сибирскою паствою въ теченіи 4-хъ лѣтъ съ 4-го февраля 1636 года по 4-е января 1640 года и скончался въ 1666 году. Въ его время въ Абалакѣ, отстоящемъ за 25 верстъ отъ Тобольска, было въ 1636 году многократное явленіе Пречистой Богородицы одной благочестивой женщины Маріи, изъ чего православные поселенцы Сибири

вынесли твердое убѣжденіе, что ихъ страна не лишена особенныхъ явленій благодати Божіей и принята Царицею Небесною подъ чудодѣйственное покровительство. Въ ознаменованіе такого событія архіепископъ Нектарій соорудилъ въ Абалакѣ храмъ и поставилъ тамъ написанную по его мысли икону Знаменія Божіей Матери съ предстоящими Св. Николаемъ Чудотворцемъ и Преподобною Марією Египетскою. Эта икона донынѣ служитъ неистощимымъ источникомъ чудесъ и почитается какъ главная святыня Абалакскаго монастыря. Владыка Нектарій лично въ 1639 году освятилъ основніе г. Ялutorовска на мѣстѣ татарскаго городища Явлатура. Онъ оставилъ по себѣ замѣчательное „Сибирское Письмо“, служащее драгоценнымъ памятникомъ о состояніи въ его время церковнаго ученія въ Сибири, и проникнуто пророчествомъ о торжествѣ Православія надъ всею Азією.

Четвертый архіепископъ Герасимъ Кремлевъ изъ игуменовъ Новгородскаго Тихвинскаго монастыря управлялъ Сибирскою епархією ровно 10 лѣтъ съ 31-го мая 1640 года до 16-го іюля 1650 года. Онъ отличался замѣчательною духовною образованностію того времени и успѣлъ чрезъ вывезенныхъ имъ изъ Новгорода ученыхъ монаховъ учредить нѣсколько монастырскихъ школъ для образованія юношества и приготовленія священнослужителей. При немъ основаны мужскіе монастыри:— въ Енисейскѣ въ 1642 году Спасскій, въ Красноярскѣ въ 1646 году Введенскій и въ Кузнецкѣ въ 1648 году Христорождественскій, послужившіе оплотами для движенія русскаго владычества далѣе къ востоку. Такъ наприм., изъ Спасскаго Енисейскаго монастыря были отпущены въ 1643 году пріютившіеся тамъ

50 чел. „гулящихъ охотниковъ“ и два пюка въ походъ съ Василиемъ Поярковымъ, который въ 1644 году покорилъ Даурскихъ князьковъ Досія и Колпу, обложилъ ясакомъ гиляковъ, разгромилъ икагировъ, жившихъ между р. Яною и Колмыю близъ Ледовитаго океана, побывалъ въ странѣ ламутовъ, обитавшихъ около Охотскаго моря между р. Колмыю и Омолою, и въ 1646 году привезъ первыя свѣдѣнія о воинственныхъ чукчахъ. Въ томъ же 1646 году, сопровождавшій мезенца Исаа Игнатьева неимѣнный по имени монахъ Красноирскаго Введенскаго монастыря совершилъ плаваніе до разлива Чаунскаго и огласилъ землю чукчей первою проповѣдью.

Такъ же другой монахъ изъ того же монастыря въ 1649 году съ казакомъ Семеномъ Шелковникомъ положилъ основаніе Косому острожку, гдѣ нынѣ г. Охотскъ. Самъ архіепископъ Герасимъ широко содѣйствовалъ возстановленію Тобольска послѣ великаго пожара 1643 года. Онъ же положилъ начало полезной церковной критикѣ написаніемъ для духовенства перваго „Алфавита неудобъ разумѣваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ словенскаго языка“. Сверхъ того, архимонахъ Герасимъ, будучи иконописцемъ, положилъ начало художественному образованію въ Сибирскихъ обителяхъ и самъ написалъ образъ Святителя Николая Чудотворца, сохраняемый въ Междугорскомъ Иоанновскомъ монастырѣ въ 10-ти верстахъ отъ Тобольска при рѣкѣ Шанталыкѣ. Благодаря трудамъ и вліянію владыки Герасима установилась система въ преподаваніи образовательныхъ знаній и развилось въ населеніи особенное влеченіе къ воспріятію наукъ того времени и къ основанію новыхъ расадниковъ просвѣщенія, какъ подспорья для хри-

етіанскаго духа противъ враждебнаго язычества. Самъ владыка съ особеннымъ усердіемъ распро­странялъ въ народѣ и среди духовенства первую русскую печатную азбуку Бурцева, вышедшую въ свѣтъ въ 1637 году.

Поэтому, при пятомъ Сибирскомъ архіепископѣ Симеонѣ изъ игуменовъ Боровскаго Паф­нутаева монастыря Калужской губ., — святитель­ствовавшемъ съ 9-го марта 1651 г. до 1664 г., — владычество православнаго просвѣщенія въ Си­бири проникло не только къ устьямъ Енисея въ Туруханскъ, гдѣ въ 1663 году былъ основанъ Троицкій монастырь, но еще и на берегъ рѣки Лены въ далекій Якутскъ, а также въ страну хамнигановъ (тунгусовъ), кочевавшихъ на всемъ протяженіи р. Амура до Анадыря. Это воин­ственное племя, проникнувшее изъ Манчжури и называвшееся тогда „сущень“, было объяснено русскими въ 1657 году. Основались въ 1653 г. г. Балаганскъ и монастырь въ Кондѣ, а также Тобольскій Иоанно-Введенскій Междугорскій жен­скій монастырь во имя Образа Почаевской Божіей Матери. При владыкѣ Симеонѣ насчитывалось по Сибири бѣлаго духовенства до 1500 и мона­шествующихъ до 100 человекъ. Незначительное по сравненію съ числомъ монастырей количество монашествующихъ свидѣтельствуеъ, что въ сущности монастыри того времени, по мысли архи­пастыря Симеона и его предшественниковъ, осно­вывались только „для наученія царствію Христову словомъ и житіемъ“ и поэтому служили пристанищами для учащихъ и призрѣваемыхъ, руко­водимыхъ монахами. При владыкѣ Симеонѣ въ 1660 году основанъ на р. Тунгуакѣ соловецкимъ старцемъ Тихономъ Троицкій монастырь, въ кото­рый о. Тихонъ перенесъ изъ старой Мангазеи тѣло

19-ти лѣтняго убіеннаго юноши Василія Мангазейскаго (См. „Ир. Еп. В.“ за 1864 г., „Источники русской агиологии“ Н. Барсукова, стр. 87—88 и въ „Страникъ“ за 1866 г. № 12, стр. 104—112).

Время святительства Симеона ознаменовалось съ 14-го ноября 1654 года явленіями чудесъ и исцѣленій отъ большого Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса въ Тобольскомъ Софійскомъ соборѣ.

Послѣ Симеона шестымъ архипастыремъ Сибири съ 24-го іюля 1664 года по 23-е декабря 1678 г. былъ Корнилій изъ архимандритовъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря, возведенный 25-го мая 1668 г. патріархами Макаріемъ Антиохійскимъ и Юсафомъ Московскимъ въ санъ перваго митрополита Сибирскаго. 14-ти-лѣтнее правленіе владыки Корнилія ознаменовалось въ 1667 году обращеніемъ въ Православіе родственника китайскаго богдыхана тунгусскаго князя Гантимура со всею его семьей. Этотъ князь имѣлъ отъ богдыхана порученіе защищать берега Амура отъ водворенія русскаго владычества, но уже будучи въ то время подъ вліяніемъ какаго то неавѣтнаго проповѣдника Православія, положилъ оружіе передъ встрѣченными казачьими отрядами и вступилъ въ лоно Св. Церкви и въ русское подданство со своею семьей и съ 500-ми отборными тунгусскими воинами Лугамоцкаго рода. Это обращеніе вліятельнаго повелителя тунгусовъ дало возможность Митрополиту Корнилію въ 1672 г. основать въ Иркутскѣ Вознесенскій мужской монастырь, который былъ построенъ схимомонахомъ Герасимомъ, и вскорѣ сдѣлался передовымъ постомъ владычества православнаго проповѣдніи и послужилъ впоследствии колыбелью духовнаго покоренія дальне-восточной окра-

ины, благодаря вышедшимъ изъ него многимъ знаменитымъ дальне-восточнымъ миссіонерамъ.

Во дни святительства митрополита Корнилія въ 1665 году совершилось въ Тобольскѣ празднуемое до сихъ поръ съ 8-го до 23-го іюли великое чудо отъ сооруженнаго въ 1636 году при архіепископѣ Нектаріѣ образа Абалакской Божіей Матери:—при появленіи образа мгновенно пересталъ многодневный дождь и возсіяло солнце.

Митрополиту Корнилію обязана Св. Русь образованіемъ его знаменитаго ученика Аванасія Любимова, который въ санѣ архіепископа Архангельскаго прославился ученостью и ревностью къ Православію.

Седьмой архипастырь Сибири митрополитъ Павелъ изъ архимандритовъ Чудова монастыря управлялъ сибирскою паствою около 20-ти лѣтъ съ 21-го іюня 1678 года до 4-го января 1692 г. Онъ былъ основателемъ и покровителемъ каменнаго церковнаго строительства въ Сибири и при немъ водворилось господство Православія далеко за Иркутскомъ въ Селенгинскѣ, благодаря устройству Троицкаго монастыря и посольскаго Преображенскаго съ училищами для инородцевъ и богадѣльнями. Этотъ послѣдній, служившій оплотомъ для дальневосточныхъ миссій, былъ основанъ въ 1681 году назначенными владыкою Павломъ дальне-восточными миссіонерами игуменомъ Феодосіемъ, іеромонахомъ Макаріемъ и нѣсколькими монахами, и является памятникомъ того мѣста, гдѣ въ 1650 г. былъ убитъ бурятами царскій посоль Заболотный съ 7-ю казаками. Митрополиту Павлу пришлось первому со своими монахами и священниками выступить на борьбу противъ „злорѣчія и ожесточенія“ раскольниковъ, сжигавшихъ не только самихъ себя, но

и православныхъ съ ихъ храмами во время бого-служений. Ревностный архипастырь, однако, не увлекся преслѣдованіемъ однихъ темныхъ изувѣровъ. Онъ скоро, по своему богатому духовному опыту, разгадалъ, что истинная причина распространенія губительнаго для гражданской жизни церковнаго бунта кроется въ презорствѣ, гордости, неистовомъ житіи и всяческомъ блудо-дѣланіи* самихъ воеводъ и служилыхъ людей Сибири. Поэтому владыка Павелъ предписалъ всему духовенству строгое обличеніе „вадруга-телей и привередниковъ* и самъ 6-го января 1682 года подвергъ тобольскаго воеводу Михаила Приклонскаго церковному отлученію, чѣмъ навлекъ на него царскую опалу.

Такое удивительное для нашего времени единеніе свѣтской власти съ церковною объясняется тѣмъ, что правительство того времени не могло не знать общее правило тогдашнихъ русскихъ сибиряковъ, по которому они совершали покореніе Сибири: — гдѣ зимовье ясашиное, тамъ и крестъ или впоследствии часовня, гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ одновременно и церковь, и гдѣ городъ, тамъ и монастырь, какъ школа порядка. По такому правилу совершилось все безпримѣрное въ мировой исторіи побыстротѣ покореніе обширнѣйшей страны съ многочисленными дикими и буйными племенами. Еще въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, когда была открыта Сибирская епархія, владычество русское простиралось только отъ Урала до Енисея, но за 40 лѣтъ господство русское утвердилось на низовьяхъ Лены и Колымы и у верховьевъ Амура, а при митрополитѣ Павлѣ оно уже было на порогѣ Камчатки. Слѣдовательно, его епархія представляла собою область протяженіемъ въ 10,000 верстъ. Этотъ удивительный успѣхъ рус-

скаго владычества быть всецѣло обязанъ нравственной силѣ духовенства, воодушевляющаго русскихъ людей къ отважной предпринимчивости. Изъ уваженія къ такой роли духовенства сама Государственная власть тогда особенно широко принимала всѣ мѣры къ возвышенію авторитета духовенства. Владыки сибирскіе были зависимы только отъ царя и патріарха, а воеводамъ вмѣнялось въ обязанность полное подчиненіе ихъ пастырскимъ указаніямъ, — какъ видно изъ того, что имъ съ 1668 г. было предписано во время святительскаго шествія въ недѣлю Ваий „водить осла“. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ 1682 году былъ подвергнутъ опалѣ отлученный отъ церкви тобольскій воевода Михаилъ Приклонскій, а въ 1685 году другой воевода, его братъ Иванъ Васильевичъ Приклонскій и тюменскій воевода Тимофей Григорьевичъ Ртищевъ за оскорбительныя рѣчи противъ митрополита Павла были „выданы ему головою“. Изъ указанныхъ случаевъ строгой расправы съ грубыми воеводами вся Сибирь получила надолго вразумительное знаменіе, что авторитетъ Св. Церкви великъ въ глазахъ свѣтской государственной власти, — какъ предшествующій государственному строенію свѣточъ.

Митрополитъ Павелъ былъ первымъ ходатаемъ за расширеніе предѣловъ христіанскаго просвѣщенія далѣе на востокъ. Онъ дважды дѣлалъ представленія объ учрежденіи въ Сибири новыхъ епископскихъ кафедръ, мотивируя свои доклады указаніемъ, что безъ епископовъ нѣтъ правильного средоточія церковной и гражданской жизни и не можетъ распространиться „до подлежащихъ Даурскихъ, Перчинскихъ и Албазинскихъ странъ“ умягчающая нравы, покоряющая сердца и окрѣпляю-

щая умы свѣтоносная проповѣдь Слова Божія*. Однако это ходатайство митрополита Павла получило осуществленіе только въ царствованіе приснопамятнаго Преобразователя Россіи Петра I-го. Тѣмъ не менѣе, митрополитъ Павелъ „собственнымъ усмотрѣніемъ“ учредилъ иѣчто на подобіи походнаго духовенства и обязательно давалъ „поповъ“ каждому отряду и каждому каравану, шедшему куда-либо по Сибири. По преданію онъ съ особенною христіанскою надеждою взиралъ на „землю Синимъ“ (Китай) и всегда напутствовалъ отправлявшихся въ китайскую сторону священниковъ словами пр. Исаи: — „На всѣхъ путехъ пастися будутъ и на всѣхъ стезяхъ пажить ихъ. Не взычутъ, ниже вжаждутъ, ниже поразитъ ихъ зной, ниже солнце, но милуй ихъ, утѣши ихъ и сквозѣ источники волныя проведеть ихъ; и положу всякую гору въ путь и всякую стезю въ паству имъ. Се сіи издалеча придутъ, сіи отъ сѣвера и отъ моря, инии же отъ земли Синимъ (Ис. 49, 9—72).

Восьмымъ святителемъ Сибири былъ митрополитъ Игнатій Римскій-Корсаковъ, служившій сперва стольникомъ у государя, а затѣмъ, по принятіи монашества въ Соловецкомъ монастырѣ, проходившій духовную службу въ санѣ архимандрита Московскаго Новоспасскаго монастыря. Митрополитъ Игнатій свитительствоваъ въ Сибири съ 3-го апрѣля 1692 г. до 1700 г.—8 лѣтъ—и скончался въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ 13-го мая 1701 г. Имъ основанъ въ 1693 г. въ Иркутскѣ Знаменскій монастырь и по его грамотѣ освященъ іереемъ Максимомъ Леонтьевымъ въ 1696 г. первый православный храмъ въ Пекинѣ во имя св. Софіи, Премудрости Божіей, построенный русскими людьми, захваченными китайцами

въ плѣнъ при срытіи крѣпости Албаинской въ 1685 г. Преподавъ усердію русскихъ плѣнниковъ архипастырское благословеніе въ изыскомъ Пекинѣ и пославъ туда въ 1695 году съ верхотурскимъ священникомъ Григоріемъ и тобольскимъ діакономъ Лаврентіемъ различныя церковныя принадлежности, владыка Игнатій тѣмъ положилъ начало заграничному миссіонерству русской Св. Церкви. Замѣчательна грамота митрополита Игнатія къ первому священнику въ Пекинѣ, хранящаяся съ 1808 года въ архивѣ Св. Синода въ дѣлѣ № 439:— „О Святѣмъ Духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія, — между прочимъ писалъ архипастырь, — проповѣднику Святого Евангелія въ Китайскомъ царствіи, *благочестивому* іерею Максиму Леонтьеву и всѣмъ православнымъ христіанамъ, обитающимъ въ Китайскомъ царствіи, архипастырское благословеніе „Радуюся азъ о твоёмъ исправленіи; аще и въ плѣнѣ пребываеши, но самъ, съ Божіею помощію, плѣняеши челоувѣки невѣдущіе въ познаніе евангельскія правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всѣхъ плѣненныхъ съ тобою о вашемъ таковомъ случаѣ, понеже Божіи воли кто противитися можетъ? А плѣненіе ваше не безъ пользы китайскимъ жителямъ, яко Христовы православныя вѣры свѣтъ имъ вами открывається, и вамъ спасеніе душевное и небесная мзда умножается“. Перечисливъ затѣмъ лицъ, о которыхъ свщ. Максимъ долженъ былъ молиться за литургіей, митр. Игнатій приказалъ прилагать прошеніе и о китайскомъ императорѣ:— „молитися сине послѣ государскихъ ектеній:—еще молнмса Господу Богу нашему помиловати раба своего (имя рекъ) богдыханова величества (какъ его въ титулахъ пишуть), умножити лѣта живота его и даро-

вати ему благородное чадѡ въ наслѣдіе рода ихъ, и избавити его и бояръ его отъ всякіа скорби, гнѣва и нужды и отъ всякіа болѣзни душевныя и тѣлесныя и открыти имъ свѣтъ евангельскаго просвѣщенія, и простити ему всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, и соединити его святѣй свое соборѣи и апостольской церкви, яко да получить и царствіе небесное". Тогъ же владыка Игнатій исходатайствовалъ въ 1697 г. патриаршій указъ объ учрежденіи, по постановленію собора 1675 года, вмѣсто свѣтскихъ „десятильниковъ", — духовныхъ „заказчиковъ", т. е. выборныхъ начальниковъ и поповскихъ старостъ (благочинныхъ), дѣятельность которыхъ сообщила службѣ духовенства стройность и правильную преемственность въ отношеніи вліянія на религиозно-нравственную жизнь приходѡвъ. Наконецъ, митрополитъ Игнатій, упорядочившій управленіе дѣлами православной церкви въ Сибири, прославился еще какъ дѣятельный увѣщатель раскольниковъ и оставилъ въ обличеніе раскола „Три Окружныхъ Посланія", которыя хранятся въ рукописяхъ въ Академіи Наукъ. Вся дѣятельность его была проникнута духомъ патриотическаго завѣщанія предшественнаго патриарха Іоакима, который въ 1690 г. заповѣдалъ: — „Нѣсть убо добро еретнику неправославну сущу христіаны православными въ благочестивой царской державѣ володѣти и начальствовать и судити тыя". Во дни митрополита Игнатія русскія силы подъ начальствомъ перваго Анадырскаго коменданта Владиміра Атласова проникли на Камчатскій полуостровъ и уже въ 1700 г. „поклонились Царю Петру Камчаткою".

Девятый архипастырь Сибири святитель Дмитрій Туптало, Ростовскій Чудотворецъ, былъ хиротонисанъ въ митрополиты сибирскіе 23-го марта.

1701 г., но по случаю болѣзни, остался въ Россіи, и поэтому сибирскую паствою болѣе двухъ лѣтъ управлялъ епископъ вятскій Діонисій.

Десятымъ архипастыремъ Сибири былъ митрополитъ Филофей Лещинскій—воспитанникъ Кіевской духовной академіи—изъ архимандритовъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря съ 4-го января 1702 г., скончавшійся 31-го мая 1727 г. въ Тюменскомъ Троицкомъ монастырѣ схимонахомъ подъ именемъ Θεодора. Немедленно по вступленіи на кафедру онъ созвалъ первый и послѣдній соборъ сибирскаго духовенства для выясненія церковныхъ нуждъ. На этомъ соборѣ были составлены на основаніи указныхъ статей патріарха Адриана 51 правило въ руководство духовенству и, кромѣ того, была выработана особая записка о 25-ти нуждахъ Православія въ Сибири, поданная Царю Петру I при челобитной отъ 31-го декабря 1702 г., въ которой была, между прочимъ, выражена первая мысль о посылкѣ въ Китайскую миссію архіерея.

Однако, многое изъ того, о чемъ писалъ царю Петру митрополитъ Филофей и о чемъ потомъ не разъ возобновлялъ ходатайства, осталось неудовлетвореннымъ, благодаря нѣмецкимъ вліяніямъ. Въдь во дни святительства Филофея уже дѣйствовалъ первый суперинтендентъ лютеранскихъ церквей въ Россіи, вычисанный Петромъ изъ Гамбурга Бартольдъ Вагеній, положившій начало открытымъ гоненіямъ лютеранства противъ Православія.

Митрополиту Филофею обязана Сибирь устройствомъ въ 1704 году перваго церковнаго хора изъ сосланныхъ за неважныя вины казаковъ, и первой славяно-латинской школы въ Тобольскѣ съ учителями изъ образованныхъ кіевскихъ монаховъ. Онъ

же для наибольшаго упражненія умовъ духовной молодежи ввелъ съ 1705 г. представленіе духовныхъ драмъ. При немъ особенно усиленно велось по Сибири каменное церковное строительство, которымъ руководили вызванные имъ изъ Кіева художники, удивившіе, между прочимъ, всю Сибирь сооруженіемъ въ Тобольскомъ Успенскомъ соборѣ прекраснаго рѣзнаго иконостаса. Онъ нехлопоталъ для обезпеченія сибирскаго духовенства отводъ земельныхъ угодій подъ пашни и сѣнокосы и установилъ опредѣленную ругу съ прихожанъ. Онъ же основалъ вторую для Сибири кафедру епископа Иркутскаго и Нерчинскаго и рукоположилъ въ святительскій санъ архимандрита Варлаама Касовскаго.

Стараніями владыки Филофея собраны первыя свѣдѣнія о Буддѣйской вѣрѣ и была въ 1705 г. снаряжена изъ Тобольска подъ начальствомъ архимандрита Мартиміана въ отдаленнѣйшую Камчатку первая духовная миссія, которая сопутствовала походу пятидесятника Колесова. Такимъ образомъ въ дни святительства Филофея проникли первые лучи православнаго просвѣщенія въ страну дикихъ камчадаловъ и была основана самимъ миссіонеромъ Мартиміаномъ близъ Нижне-Камчатскаго острога у р. Ключевской въ качествѣ заимки якутскаго монастыря въ 1711 году Успенская пустынь съ первымъ камчатскимъ храмомъ во имя Св. Николая Чудотворца, а послѣ того въ 1713 году еще второй храмъ въ Ключевскомъ поселкѣ. По оставленіи митрополичьей кафедры владыка Филофей продолжалъ апостолство по Сибири и обратилъ въ Православіе вѣскольکو тысячъ остяковъ въ Березовскомъ, Сургутскомъ и Нарымскомъ краяхъ и множество вогуловъ въ Пелымскомъ округѣ и по р. Ковдѣ, уни-

чтожая ихъ языческія кумири и сооружая храмы Божіи.

Апостольская дѣятельность митрополита-схимника Филофея—во дни правленія его преемника митрополита Іоанна Максимовича и послѣ Іоанна—внесла въ исторію православнаго просвѣщенія Сибири много блестящихъ страницъ. Преемникъ Филофея митрополитъ Іоаннъ изъ питомцевъ и учителей Кіевской духовной академіи своимъ ревностнымъ попеченіемъ объ умноженіи образованнаго духовенства въ Сибири дополнялъ апостольскія стремленія неутомимаго Филофея. Онъ былъ не только богословъ, но и стихотворецъ, и обогатилъ духовенство и населеніе многими назидательными сочиненіями и, такимъ образомъ, вооружилъ православные умы для дѣятельнаго и разумнаго распространенія просвѣщенія. Его перу принадлежитъ удивительный по богатству духовнаго опыта „Иліотропіонъ, или сообразованіе чловѣческой воли съ Божественною волею“, изданный въ 5-ти книгахъ, а равно, „Феатронъ поучительный царемъ, княземъ и владыкамъ“, объ обязанностяхъ разнаго рода властей. Наконецъ, какъ бы вся его благоговѣйная душа отразилась въ сочиненіи „Богородице Дѣво“ и въ книгѣ подъ заглавіемъ „Богомыслие въ пользу православныхъ“. Ему же принадлежитъ важное дѣло посылки первой православной миссіи въ Пекинъ подъ начальствомъ воспитанника Кіевской духовной академіи архимандрита Иларіона Лежайскаго, съ которымъ были отправлены священникъ Лаврентій, диаконъ Филмонъ и семь церковниковъ изъ учениковъ первой тобольской славяно-латинской школы. Святительствовалъ Іоаннъ одиннадцатый архипастырь Сибири—съ 1711 г. всего около 4-хъ лѣтъ и скончался вечеромъ 10-го

юни 1715 г., стоя на колѣняхъ предъ иконою. Онъ погребенъ въ Тобольскомъ соборѣ и надъ гробницею совершаются вѣрующими въ его святость многочисленныя панихиды. Благодарный православный народъ крѣпко помнитъ, что снятитель Іоаннъ еще въ бытность Черниговскимъ архимандритомъ предсказалъ Петру Великому Полтавскую побѣду. Весною 1709 года, встрѣтивъ царя Петра въ Городнѣ, отстоящемъ отъ Чернигова въ 54-хъ верстахъ, архимандритъ во всеуслышаніе передъ войскомъ сказалъ царю: — «Предаетъ Господь Богъ враги твоя. Супротивъ тебя путемъ единымъ придуть на ты и седмю путій побѣгутъ отъ лица твоего».

Отеческое вліаніе митрополитовъ Іоанна и Филофея особенно сказывалось на правительственныхъ распоряженіяхъ не только бывшаго въ ихъ время сибирскаго губернатора князя Гагарина, но и самого Царя Петра. Князь Гагаринъ приказывалъ „строить на Камчаткѣ церкви и крестить инородцевъ“. А Царь Петръ, поощряя его къ заботамъ о покореніи Камчатки, твердилъ, „чтобы посланные шли безъ сомнѣнія, такъ какъ Церковь имъ Заступница“.

Послѣ митрополита Іоанна вторично вступилъ на кафедру, по повелѣнію Петра Великаго, его неутомимый предшественникъ митрополитъ-схимонахъ Филофей. Онъ посвятилъ много времени для личнаго обозрѣнія Сибирской паствы, былъ въ 1719 и 1720 г. въ Иркутскѣ, проѣзжалъ Байкалъ, устраивалъ миссіонерскіе станы и благословилъ Омскъ, основанный въ 1716 г. для защиты отъ набѣга киргизовъ. Самъ владыка Филофей и его миссіонеры обратили въ Православіе Туруханскихъ остяковъ, Чулымскихъ татаръ и болѣе половины Кыштымцевъ, жившихъ

по р. Томи. Въ то же время были учреждены владыкою миссіонерскій станъ для просвѣщенія киргизовъ, кочевавшихъ на р. Кіѣ. Митрополитъ Филофей при вступленіи на кафедру нашелъ въ Сибири всего 160 церквей, а оставилъ 448, и обратилъ въ Православіе 40,000 язычниковъ и магометанъ. На него очень злобилась татары за краснорѣчивое порицаніе „разбойныхъ стремленій“ Корана. Оставилъ владыка Филофей кафедру, будучи награжденъ царскою похвальною грамотою отъ 15 сентября 1720 г. Была назначена ему и пенсія, но онъ до самой смерти въ теченіи 7-ми лѣтъ не могъ ее получить и остатки дней своихъ скороталъ „вроголодь“.

Еще при жизни этого великаго свѣтильника Сибири, вполне заслужившаго быть признаннымъ „равноапостольнымъ“, мѣсто его заступилъ двѣнадцатый достойный архипастырь митрополитъ Антоній Стаховскій, который управлялъ сибирскою паствою съ 1721 г. по день кончины 27-го марта 1740 г. Въ его время въ Тарѣ по договору казачьяго полковника Подушкина былъ бунтъ раскольничьяго населенія противъ присяги по уставу 5 февраля 1722 г. на вѣрность тому Наслѣднику Престола, какого Государь избереть. Тогда бунтовщики въ 1724 г., не желая отдаться въ руки правосудія, взорвались на воздухъ, а затѣмъ до 1000 человекъ было казнено. Такой буйный духъ населенія вмѣстѣ съ необузданностью учрежденнаго въ 1728 г. воеводскаго правленія, отравлялъ и извращалъ всякое мѣропріятіе владыки Антонія и дѣлала его жизнь невыносимою. Тѣмъ не менѣе онъ прилагалъ особенное усердіе къ просвѣщенію Православіемъ дальне-восточныхъ окраинъ, лежащихъ по берегамъ Охотскаго моря. Владыка Антоній съ цѣлью подготовки для

пограничнаго Китая свѣдующихъ миссіонеровъ открылъ въ 1725 г. въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ русско-монгольскую школу и добился основанія съ 1727 г. отдѣльной Иркутской епархіи. Онъ въ 1728 году отправилъ въ Китайскую миссію архимандрита Антонія Платковского и на Камчатку—игумена Іоанна съ монахомъ Теофилактомъ. Потомъ въ 1734 г. былъ посланъ митрополитомъ Антоніемъ іеромонахъ посольскаго монастыря Іларіонъ Трусовъ снабженный образками и крестиками для раздачи новокрещенымъ. По распоряженію владыки Антонія была снаряжена изъ Якутска миссія подъ начальствомъ образованнаго священника Ермолая Иванова для исполненія христіанскихъ требъ въ Зашиверскомъ острогѣ и въ трехъ Камчатскихъ:—Нижнемъ, Верхнемъ и Большерѣвкомъ.

Послѣ того въ 1737 г. митрополитъ Антоній отправилъ изъ Якутска на Камчатку іеромонаха Александра и іеродіакона Дамаскина, которые сопутствовали знаменитому изслѣдователю Камчатки Ст. Крашенинникову. Ими въ существовавшей Камчатской Успенской пустыни былъ устроенъ храмъ на прописанномъ владыкою основаніи и заказное духовное правленіе, а также были сдѣланы первые удачные опыты хлѣбопашества. Во дни его архимастырства одна Тобольская епархіа, не считая Иркутской, имѣла уже 383 храма. Онъ еще при жизни распредѣлилъ все свое имѣніе по церквамъ и духовенству.

При митрополитѣ Антоніѣ возсіялъ первый благодатный свѣтильникъ и духовный собиратель Дальняго Востока епископъ Иннокентій Кульчицкій изъ уроженцевъ Кіевской губ. Питомецъ Кіево-Печерской лавры и академіи, потомъ префектъ Московской духовной академіи и, наконецъ,

дѣятельный наставникъ и руководитель ново-устроенной въ тѣ времена петербургской Александро-Невской лавры и ея академіи оберъ-іеромонахъ флота Иннокентій получилъ отъ самого Царя-Работника назначеніе въ миссіонеры для проповѣди христіанства въ Китаѣ и былъ 1-го марта 1721 г. хиротонисанъ во епископскій санъ. Однако въ Китаѣ тогда уже существовало пропитанное закваскою ненависти къ Православію іезуитское гнѣздо, заведенное Матвѣемъ Риччи, бывшимъ впоследствии душою заговора и бунта противъ испанскаго короля Карла III-го. Кромѣ іезуитовъ были въ Китаѣ и миссіи Доминиканцевъ и Францисканцевъ. Поэтому святителю Иннокентію, послѣ утомительнаго пути около 7000 верстъ до границы Китая, пришлось встрѣтить подстроенное католиками запрещеніе доступа туда, и онъ поселился въ Селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ. Здѣсь онъ научился бурятскому языку и огласилъ Евангельскою проповѣдью дикихъ бурятъ. При этомъ личное существованіе Святителя совсѣмъ не было обезпечено ни жалованьемъ, ни доходами, вслѣдствіе чего онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ иконописца и самъ шилъ для себя одежду. Вступивъ затѣмъ на Иркутскую кафедру, Святитель Иннокентій нашелъ нравы населенія и даже духовенства въ такомъ жалкомъ состояніи, что оказался окруженнымъ яростнымъ безуміемъ невѣжества, пороковъ и жадности. Цѣлыхъ 10 лѣтъ онъ содержалъ буквально своими трудами при Вознесенскомъ монастырѣ училище для дѣтей разнаго званія и боролся съ апостольскимъ воодушевленіемъ противъ нравственнаго зла, развѣдававшей русскую жизнь, и противъ изувѣрныхъ происковъ свирѣпыхъ шамановъ, старавшихся всѣми

силами погубить этого работорца Христова свѣта. Скончался Святитель Иннокентій на 50-мъ году жизни, истощивъ себя ради спасенія многихъ, но его воодушевленіе и самоотверженность не остались безплодными. Сила его примѣра и оружіе слова Божія духовно покорили Христу не только многихъ падшихъ русскихъ людей, но и огромное множество язычниковъ. Такимъ образомъ цѣною святительскаго самоотверженія былъ купленъ для русской Церкви Дальній Востокъ, на пороги котораго до нынѣ стоитъ Угодникъ Божій Иннокентій, прославленный величіемъ мощей и подкрѣпляющій русскій духъ своими благодатными молитвами и чудесами. Онъ по справедливости считается первымъ иркутскимъ епископомъ, потому что поставленные раньше: въ 1706 г. Варлаамъ Косовскій, а затѣмъ въ 1721 г. Игнатій Смола совсѣмъ не вступали на кафедру по причинѣ „тяжкой скудости“.

Послъ Св. Иннокентія былъ хиротонисанъ 25 ноября 1732 г. въ преемники ему префектъ Московскои Славяно-Греко-Латинскои академіи Иннокентій Неруновичъ. Онъ крестилъ множество тунгусовъ, за которыми до сихъ поръ сохранилось прозваніе „неруновскихъ“. Подробная свѣдѣнія о дѣятельности этого замѣчательнаго архипастыря-просвѣтителя тунгусовъ, — скончавшагося 26 іюля 1747 г., напечатаны въ „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1865—71 гг.

Вмѣсто митрополита Антонія былъ назначенъ въ Сибирь митрополитъ Никодимъ Сребрицкій, который не могъ по причинѣ болѣзни явиться къ своей паствѣ и остался въ Черниговѣ.

Вмѣсто него былъ хиротонисанъ 10-го марта 1741 г. въ митрополиты извѣстный противникъ временщика Бироца и вѣменскихъ вліяній, воспи-

танникъ Кіевской духовной академіи Арсеній Мадѣевичъ, Побывавъ предварительно съ октября 1729 г. въ теченіи 2-хъ лѣтъ проповѣдникомъ Слова Божія въ Сибири во дни митрополита Антонія Стаховскаго, затѣмъ совершивъ въ 1734—6 гг. четыре сѣверныхъ экспедиціи къ Камчатскимъ окраинамъ для изслѣдованія пролива Дежнева (нынѣ Берингова) и, наконецъ, отслуживъ законоучителемъ перваго петербургскаго кадетскаго корпуса въ 1738 г. и гимназій при академіи наукъ въ 1739 г., митрополитъ Арсеній явился на сибирскую кафедру съ огромнымъ духовнымъ опытомъ и широкою освѣдомленностью. Первымъ его дѣломъ въ Сибири было снаряженіе миссіи на Камчатку подъ начальствомъ архимандрита Іоасафа Хотунцевича изъ 5-ти священниковъ, двухъ діаконовъ и 10 причетниковъ, въ числѣ которыхъ состояли нѣсколько питомцевъ духовныхъ академій.

Насколько удаченъ былъ сдѣланный владыкою Арсеніемъ выборъ личнаго состава Камчатской миссіи, это видно изъ того, что миссіонеры за семь лѣтъ успѣли обратить въ православіе почти всѣхъ камчадаловъ, завели тамъ школы для нихъ въ Большерѣцкѣ, Верхнекамчатскѣ и Нижнекамчатскѣ. Изъ миссіонеровъ особенно прославились іеромонахъ Пахомій, какъ просвѣтитель камчадаловъ, и іеромонахъ Іоасафъ, совершившій съ камчатскимъ сержантомъ Емельяномъ Басовымъ на шитиисъ отважную экспедицію, во время которой открыты острова, получившіе впоследствии названіе „Командорскихъ“, при чемъ Іоасафъ первый проповѣдывалъ христіанство на Курильскихъ островахъ.

Владыка Арсеній первый изъ архіереевъ распорядился переименовать свою тобольскую ду-

ховную канцелярію въ консисторію, съ помощью правъ которой открыто выступилъ на защиту своей судной власти надъ духовенствомъ, стремясь его избавить отъ всякихъ свѣтскихъ притѣсненій. Связи Арсенія съ Петербургомъ и личная извѣстность воцарившейся дочери Петра Великаго Елизаветѣ помогла ему даже отстоять и возвратить изъ камчатской ссылки архимандрита Платона Малиновскаго, который, какъ выразился Арсеній въ письмѣ къ Императрицѣ „страдалъ по единой злости плута Остермана“. Въдѣ Арсеній самъ былъ свидѣтелемъ свирѣпныхъ гоненій противъ Православія сперва со стороны Вагенія, Лефорта и пастора Глика — воспитатели Екатерины I, а затѣмъ со стороны Бирона, Миниха и Остермана.

Бирономъ въ 1734 году было отдано распоряженіе, допускавшее постриженіе монаховъ только изъ вдовцовъ и отставныхъ солдатъ, отъ чего — какъ говорятъ лѣтописи — „многіе обители тогда пришли въ конечное запустѣніе“. За малѣйшее неосторожное слово противъ лютеранъ мучители казнили и ссылали духовныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и названный архимандритъ Платонъ Малиновскій. Благодаря заступничеству Арсенія Платонъ сдѣлался впоследствии архіепископомъ Московскимъ и Сѣвскимъ. Арсенію также принадлежитъ честь заступничества за Анну и Петра Артемьевичей Волынскихъ — дѣтей злополучнаго Волынскаго, — которымъ онъ облегчилъ положеніе во время ихъ ссылки въ Селенгинскъ, а затѣмъ выхлопоталъ помилованіе. Сверхъ того, Арсеній положилъ конецъ самоуправному вмѣшательству „сибирской коллегіи экономіи“ въ хозяйственные дѣла духовенства, и вообще проявилъ рѣшительное стремленіе, чтобы удержать

на надлежащемъ мѣстѣ „бездѣльныхъ“ ябедниковъ, которыхъ въ его время накопилось „изъ ссыльныхъ дворянъ и приказныхъ“ до 20,000.

Противъ нихъ онъ всегда говорилъ и писалъ словами указа отъ 15 января 1739 года:— „Что можно ожидать доброе отъ воеводъ изъ мужиковъ, казаковъ и ссыльныхъ?“ Всего 11 мѣсяцевъ святительствовавъ Арсеній въ Сибири и 10 февраля 1742 г. покинулъ Тобольскъ занявъ вкорѣ ростовскую кафедру и должность члена Св. Синода. Впослѣдствіи, какъ извѣстно посягатели на церковно-имущественное право столкнулись съ пламеннымъ протестомъ Арсенія и, почувствовавъ за нимъ юридическую силу, обвинили самоотверженнаго защитника интересовъ церкви въ выдуманныхъ преступленіяхъ и фанатизмѣ, дабы тѣмъ затмить и его дѣло и его имя Арсеній окончилъ дни свои 28 февраля 1772 г. въ ревельскомъ казематѣ, оставивъ на его стѣнѣ надпись: „Благо, яко смирилъ мя еси, Господи“. Между тѣмъ, Сибирь не разсталась съ Арсеніемъ и сохранила о немъ изъ рода въ родъ легендарную память, свидѣтельствующую, что въ отношеніи его народъ соблюдалъ и соблюдаетъ долгъ признательности. Его мнимую могилу на Нерчинскомъ трактѣ въ Забайкальѣ на горѣ у Троицы украшаетъ часовня, въ которой ежегодно 8-го мая бываетъ великое богослуженіе по его душѣ, любившей Сибирь и Камчатку, и ревновавшей объ интересахъ церкви съ полнымъ самозабвеніемъ. Впрочемъ, сохранился указъ Иркутской духовной консисторіи отъ 8 марта 1773 г. на имя настоятеля Селенгинскаго Троицкаго монастыря, свидѣтельствующій, что Арсеній по указу 7-го октября 1763 г. былъ сперва въ Нерчинской Успенской пустыни, а затѣмъ переведенъ въ Селенгинскъ.

По преданію онъ умеръ за 48 верстъ отъ Удинска, гдѣ и имѣется упомянута я его могила. На судьбѣ Арсенія сбылись слова царственнаго псалмопѣвца: „Ревность по дому Твоему съѣде мя“ (Пс. 64).

Четырнадцатымъ архипастыремъ Сибири былъ митрополитъ Антоній Нарожанскій изъ намѣстниковъ Троице-Сергіевой лавры съ 26-го сентября 1742г. по 9-е октября 1748 г. При его вступленіи Сибирь уже имѣла 900 православныхъ приходо въ, для которыхъ владыка Антоній первымъ долгомъ озаботился самымъ широкимъ развитіемъ духовно-учебной части съ цѣлью подготовленія возможно большаго числа „учительнаго“ духовенства. Онъ неходатайствовалъ въ 1743 г. преобразование основанной митрополитомъ Филофеемъ Лецинскимъ тобольской школы въ духовную семинарію, для которой отстроилъ каменное зданіе и выисалъ черезъ особо командированнаго Енисейскаго архимандрита Дмитрія Смѣловскаго дѣльныхъ учителей изъ Кіева и Чернигова: Якова Волинскаго, Ивана Блажевскаго, Герасима Граневича и іеромонаха Пафнутія Даневскаго. Ему принадлежитъ первое и полезное по тому времени распоряженіе о припудительномъ собраніи учениковъ для семинаріи изъ священно-служительскихъ дѣтей, для обученія которыхъ онъ открылъ, помимо Тобольской семинаріи, еще особая школы въ г. Троицкѣ и при Рафаиловскомъ и Енисейскомъ монастыряхъ. Онъ неходатайствовалъ временное закрытіе Иркутской епархіи „дабы тамъ по недостатку ученыхъ людей не разводились худые поны“, и наблюдалъ строгое испытаніе ставленниковъ на приходскія мѣста и самихъ ихъ экзаменовалъ. Тѣмъ не менѣе митрополитъ Антоній не покидалъ отеческими заботами Камчатскій край. Туда по его выбору былъ отпра-

лень архимандритъ Іосифъ Хотунцевскій, который своею проповѣдью просвѣтилъ камчадаловъ и внушилъ имъ покорность къ русской власти.

По смерти Антонія преемникомъ его былъ 15-ый свититель Сибири митрополитъ Сильвестръ Гловатскій изъ префектовъ Казанской духовной академіи, правившій паствою съ 16-го іюля 1749 г. по 1755 годъ (умеръ 20 мая 1760 г.) и отличавшійся особенною ревностью по обращенію магометанъ въ Православіе. Онъ настойчиво проводилъ въ жизнь указъ 1743 г. (П. С. З. т. XI, № 8786) о томъ, чтобы раскольникъ, обратившіеся въ Православіе, и вообще всѣ новокрещенные не оставались бы безъ пастырскаго попеченія и просвѣщенія. По ходатайству Сильвестра причтъ Обдорскаго храма былъ обезпеченъ казеннымъ содержаніемъ изъ неокладныхъ доходовъ Сибирской губ. (П. С. З. т. XII, № 9529) и послѣдовалъ указъ о безпрепятственномъ пользованіи лѣсами для постройки храмовъ и домовъ для причтовъ (№ 9917). Владыка Сильвестръ былъ очень уважаемъ Св. Синодомъ за благочестіе и участвовалъ въ 1756 г. въ канонизаціи мощей Св. Дмитрія Ростовскаго.

Преемникъ Сильвестра 16-й архипастырь Сибири Павелъ Конюшковичъ изъ архимандритовъ Велико-Новгородскаго Юрьева монастыря управлять сибирскою паствою 10 лѣтъ съ 23-го мая 1758 г. до 11-го января 1768 г. Въ ту пору русская предпримчивость уже имѣла широкое развитіе. Русскія зѣбропромышленныя и ясачныя зимовья возникали повсемѣстно. Даже подъ 68½° с. ш. былъ Хатангскій погостъ съ храмомъ, и тамъ жили, по свидѣтельству Гмелина, 452 человека. Само собою разумѣется, что съ развитіемъ поселеній усиливалась и потребность въ

отвѣтствующемъ устройствѣ православной жизни. Поэтому еще за 5 лѣтъ до митрополита Павла была вновь восстановлена иркутская кафедра, на которой съ 18 апрѣля 1753 г. состоялъ епископъ Софроній Кристалевскій изъ намѣстниковъ Александро-Невской лавры, который до дня своей кончины, послѣдовавшей 30 марта 1771 г., подвизался 18 лѣтъ подвигомъ любящаго отца своей паствы. Щедрость святителя Софронія не знала границъ онъ отдавалъ всего себя на дѣла благотворенія, не съѣдать куска, не подѣлившись съ кѣмъ-либо. Его жилище и весь Вознесенскій монастырь въ его время были переполнены прирѣзаемыми большими бездомными и разными сиротами.

— „Дѣлами проповѣди и свѣтильникомъ любви согрѣвайте мѣръ человѣческой, ибо только отъ любви любовь воспламеняется и собою всякую ревность по Бозѣ приводитъ“, поучалъ владыка Софроній. И дѣйствительно такъ у него и было:—не онъ искалъ людей, нуждающихся въ православномъ просвѣщеніи, а сами люди безъ различія племенъ и вѣръ шли къ нему тысячами и отдавали ему свои души и сердца, умножая собою церковную семью. Не уменьшилось это людское влеченіе къ святителю Софронію и послѣ его смерти. Его гробница вотъ уже 140 лѣтъ служить пристанищемъ для скорбящихъ людей и неугоднымъ алтаремъ для ихъ молитвъ, возносимыхъ ежедневно. И многое множество благодатныхъ утѣшеній и исцѣленій испосылаетъ Господь молящимся у гробницы святителя Софронія, изображенія котораго очень распространены по всей Сибири.

Съ такимъ кристально-чистымъ проповѣдникомъ „дѣлами любви“ легко и отраднo было митро-

политу Павлу. Поэтому время обоих святителей было в духовной жизни сибирскаго населенія ремнемъ зикдительнымъ, временемъ бодрого христіанскаго соревнованія въ заботахъ облагосостояніи церкви сибирской и ея дѣятелей.

Митрополитъ Павелъ привезъ съ собою въ Сибирь указъ о назначеніи духовенству на Камчаткѣ сверхъ жалованья еще по 20 пудовъ ржаной муки на каждую семью въ годъ. Онъ обращалъ строгое вниманіе на соблюденіе монастырими духовныхъ уставовъ. Для смилченія нравовъ духовенства особенно ревностно проповѣдывалъ въ жизнь исходатайствованный имъ указъ 1761 г. „о воздержаніи духовныхъ лицъ отъ непристойныхъ поступковъ при свѣдѣвіяхъ по дѣламъ вѣры и объ употребленіи ими для обращенія заблудшихъ меча духовнаго, а не гражданскаго (П. С. З. т. XV, № 11277)*. При немъ основанъ въ 1764 году Енисейскій Иверскій женскій монастырь, въ которомъ почиваетъ чтимый старецъ Давидъ. Владыко Павелъ открылъ въ тобольской семинаріи кафедру по преподаванію богословія и выпросилъ для семинаріи жалованье по 490 руб. въ годъ. Отъ него получили подвизавшіеся на Камчаткѣ іеромонахъ Пахомій значительное пожертвованіе деньгами, церковною утварью и книгами для 13-ти камчатскихъ школъ, при чемъ эти свои дары Камчаткѣ отправилъ съ протоіереемъ—начальникомъ камчатскихъ духовныхъ дѣлъ, назначеннымъ по указу 25 ноября 1760 г. Его же стараніями было организовано въ Тобольскѣ и Красноярскѣ постоянное проповѣдничество для просвѣщенія обращенныхъ въ Православіе и для наученія всего духовенства живыми образцами проповѣди. Также съ особеннымъ воодушевленіемъ овъ рас-

пространялъ по Сибири указъ 16 августа 1760 года, осуждавшій „внутреннихъ враговъ, предпочитавшихъ беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести“. По его приказу духовенство гремѣло проповѣдями, основанными на словахъ этого указа, что „несытая алчба корысти превратила мѣста правосудія въ торжища лихоимства“.

Распоряженіемъ о церковномъ обличеніи „служилаго люда“ владыка Павелъ приобрѣлъ себѣ множество враговъ. Наконецъ, кроткаго владыку Павла постигла заведенная преподавателемъ семинаріи Савватіемъ Исаевнчемъ клевета за расточительное пожертвованіе средствъ епархіи, вслѣдствіе чего владыка былъ отозванъ и опредѣленъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ скончался 4-го ноября 1770 г. и поживаетъ въ нетлѣннн и чудесахъ.

Владыка Павелъ Конюскевичъ былъ одиннадцатымъ и послѣднимъ митрополитомъ Сибирскимъ. Послѣ него сохранилось для святителей Тобольскихъ право ношенія креста на митрѣ.

Семнадцатымъ святителемъ Сибири былъ родной братъ петербургскаго митрополита Гавріила Варлаамъ Петровъ изъ архимандритовъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря съ 5-го октября 1768 г. по 27 декабря 1802 г.— всего около 34 лѣтъ. При евангельской кротости души архіепископъ Варлаамъ отличался неутомимою дѣятельностью по развитію духовнаго образованія и по введенію въ семинаріи общеобразовательныхъ наукъ:— философіи, математики, исторіи, географіи, медицины, физики и высшего краснорѣчія. Исходатайствовавъ преподавателнмъ хорошее по тому времени обезпеченіе, владыка Варлаамъ выписывалъ къ себѣ ректоровъ для семинаріи изъ Кіева и подготавливалъ опытныхъ наставниковъ посредствомъ

командировки лучших тобольских семинаристовъ въ Петербургскую и Казанскую духовныя академіи. Ему пришлось много потрудиться по возстановленію своихъ церквей и зданій послѣ большого пожара 27—28 апрѣля 1788 г., истребившаго почти весь Тобольскъ. Но онъ нашелъ своимъ стараніямъ самое широкое сочувствіе въ Петербургѣ и деньги къ нему лились рѣкою, вслѣдствіе чего храмы и дома возобновлялись съ изумительною скоростью. Онъ не забывалъ своихъ духовныхъ задачъ по просвѣщенію Дальняго Востока. Имъ въ 1769 г. была отправлена въ Пекинъ миссія и при ней три воспитанника Тобольской семинаріи для изученія манчжурскаго языка. Въ его время была совершена игуменомъ Мисанломъ въ 1788—9 гг. обширная миссіонерская поѣздка въ Туруханскій край для возстановленія Православія у остяковъ. („Хр. Чтеніе“ 1864 г. т. 1, № 2, стр. 229—240). Владыкою Варлаамомъ былъ отправленъ на иркутскую кафедру его любимецъ первый ректоръ семинаріи Михаилъ Миткевичъ вмѣсто скончавшагося епископа Софронія. Этотъ владыка съ 5 декабря 1772 г. по 1 августа 1789 г. былъ въ Иркутской области дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ архіепископа Варлаама по развитію въ духовенствѣ ревности къ миссіонерскимъ подвигамъ на Камчатскихъ окраинахъ. Стараніями обоихъ владыкъ учреждена 23 марта 1780 г. Иркутская духовная семинарія. Имъ же въ Сибири заведена была необходимая тогда церковная проповѣдь о пользѣ оспопрививанія и о необходимости разведенія картофеля по указу 1765 года, что сильно сокращало вражду темнаго люда противъ этихъ полезнѣйшихъ мѣропріятій.

Много хлопотъ обоимъ владыкамъ было по учрежденію новыхъ приходовъ въ удовлетвореніе

возникшихъ въ ихъ время многихъ поселеній и новыхъ городовъ и въ особенности по борьбѣ противъ ламантской пропаганды, которая ожила и широко распространялась съ 1773 г., т. е. съ того времени, какъ правительство дозволило каждому бурятскому роду имѣть свои дацаны—монастыри, которые мгновенно попали подъ покровительство продажныхъ чиновниковъ и сдѣлались враждебными для православныхъ гнѣздами. Желая укрѣпить свое православное духовенство противъ такого лагеря, владыка учредилъ въ Иркутскѣ запасный капиталъ на церковно-строительныя нужды Якутской области и Дальняго Востока, и они же, пользуясь жалобами Камчатской миссиі, вызвали изданіе въ 1787 г. указа о воспрещеніи чинить жестокости надъ инородцами Камчатки и острововъ Тихаго океана (П. С. З. т. XXII, №№ 16502 и 16709). Во дни владыки Варлаама были въ 1791 г. первые случаи обращенія иноицевъ въ Православную вѣру и снаряжена самимъ владыкою въ 1794 году на американскіе острова первая духовная миссія изъ десяти иноковъ подъ начальствомъ Валаамскаго іеромонаха Іоасафа Болотова. Впослѣдствіи этотъ отважный миссіонеръ былъ 10 апрѣля 1799 г. хиротонисанъ владыкою Варлаамомъ во епископа съ назначеніемъ на иркутское викаріатство въ Кадьякъ, но на пути туда на кораблѣ „Фениксъ“ вмѣстѣ со всею свитою утонулъ вѣдствие кораблекрушенія у береговъ Америки, послѣ чего это викаріатство осталось упраздненнымъ навсегда. Съ благословенія владыки Варлаама отправился въ 1799 г. ученый протоіерей Григорій Слѣпцовъ съ походною церковью на евангельскую проповѣдь въ дальне-восточныхъ окраинахъ, просвѣщаль землю чукчей, достигалъ Чукотскаго носа и послѣ 16-ти лѣтняго миссіо-

перства среди чукчей скончался въ Якутскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1815 г. По указаніямъ о. Григорія, какъ рѣдкостнаго знатока Дальняго Востока, была проложена дорога отъ Якутска до устья р. Май и отъ урочища Нелкана до устья р. Алдана.

34-хъ лѣтнее святительское служеніе архіепископа Варлаама было Высочайше оцѣнено. Отъ Павла I онъ получилъ орденъ Св. Анны I степени и отъ Александра I награжденъ 12 мая 1801 г. именнымъ рескриптомъ, хранящимся въ Тобольской архіерейской ризницѣ, а 15 сентября того же года — орденомъ Св. Александра Невского. Надо удивляться, что владыка Варлаамъ не потерпѣлъ никакихъ гоненій за свои пламенные обличенія противъ Мальтійскаго Іезуитскаго ордена, который въ то время насаждалъ повсемѣстно въ Россіи своихъ ставленниковъ, отличавшихся изумительною дерзостью противъ Православной церкви. Владыка противъ пропаганды этого ордена усердно боролся съ цѣлью общей защиты православнаго духа отъ іезуитскихъ кавалеровъ и тѣмъ не менѣе не былъ погубленъ ими. Скончался владыка 27 декабря 1802 г. въ Тобольскѣ на 74 году жизни, оставивъ по себѣ благоговѣнную память.

Восемнадцатый святитель Сибирской паствы Антоній Знаменскій изъ ректоровъ Александроневской духовной академіи состоялъ архіепископомъ въ Тобольскѣ всего три года съ 13 февраля 1803 г. по 25 мая 1806 г. Его сотрудникомъ по Иркутской кафедрѣ были епископъ Веніаминъ Багрянскій, свитительствовавшій съ 9 декабря 1789 г. по 8 іюня 1814 г. При нихъ последовалъ въ 1803 г. указъ объ устройствѣ областного управленія въ Камчаткѣ и предваритель-

наго управленія въ Охотскѣ (И. С. З. т. XXVI, № 20889) и объявлено Высочайшимъ рескриптомъ о явленіи св. мощей перваго иркутскаго епископа Иннокентія (№ 21540), которыя и были владыкою Веніаминномъ канонизованы 9 февраля 1805 г.

Послѣ Антонія свитительствовалъ 19-й архипастырь Сибири Амвросій Келембетъ, переведенный 25 мая 1806 г. съ Оренбургской кафедры и остававшійся въ Tobольскѣ 16 лѣтъ до 21 декабря 1822 г., когда былъ уволенъ на покой въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 4 июля 1825 г. Его сотрудникомъ послѣ кончины Иркутскаго епископа Веніамина былъ епископъ Михаилъ Бурдуковъ изъ ректоровъ Тверской семинаріи съ 18 октября 1814 г., скончавшійся 5 июня 1830 г.

Время правленія обонхъ свитителей было самое неблагопріятное для развитія духовно-просвѣтительной дѣятельности въ Сибири. Въ ихъ годы 14 лѣтъ владычествовалъ въ должности генералъ-губернатора Пестель—отецъ извѣстнаго декабриста, имѣвшій правую руку въ иркутскомъ губернаторѣ Трескинѣ. Оба эти правителя, запасшись съ помощью петербургскихъ вольнодумцевъ чрезвычайными полномочіями, ознаменовали свою сибирскую дѣятельность тѣмъ, что развели шпионство съ цѣлью перехватыванія всякой корреспонденціи и, такимъ образомъ, отрѣзали Сибирь, а, слѣдовательно, и ея духовенство отъ всякаго правосудія. Подъ покровомъ водворившагося нѣмого произвола Трескинъ безъ всякаго уваженія къ законамъ и распоряженіямъ изъ столицы грабилъ Сибирь и отправлялъ обильную дань Пестелю, проживавшему въ Петербургѣ, а Пестель съ своей стороны тушилъ всякія жалобы на Трескина. Эти

достоинные сподвижники по одному подозрѣнію противъ монголиста Игумнова въ писаніи частныхъ сообщений о сибирскомъ безправіи отдали этого образованнаго человѣка своего времени подъ судъ, отрѣшили отъ должности и запретили ему въѣздъ въ Иркутскъ. Губернаторское своеволіе, простиравшееся помимо поборовъ и несправедливостей до катанія на понахъ и чиновникахъ, конечно, вызывало страшную анархію въ правахъ. Енисейскій городничій тоже катался на чиновникахъ, осмѣлившихся подать на него жалобу. Охотскій изчальникъ именовалъ себя „царемъ и богомъ“ и истязалъ всякаго безъ разбора. Нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ публично высѣкъ плетью соборнаго протоіерея за доносъ архіепископу. Словомъ, при такомъ произволѣ, возведенномъ въ систему и царившемъ повсемѣстно въ Сибири 14 лѣтъ, была извращена вся духовная жизнь сибирскаго населенія до совершеннаго одичанія и даже въ 1810—11 и 15—16 г.г. доходила въ Туруханскомъ краѣ до людоедства. А такъ какъ въ то же время и въ самой Россіи приходилось всѣмъ іерархамъ бороться противъ масонскаго вольнодумства, занесеннаго Британскимъ библейскимъ обществомъ, то и всѣ духовныя начинанія сибирскихъ владыкъ Амвросія и Михаила оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынь, и имъ приходилось ограничиваться только поддержаніемъ духовенства ногахъ. Кто склоненъ осуждать означенныхъ іерарховъ за малую дѣятельность, тому слѣдуетъ прочесть указы, дававшіе Пестелю, а слѣдовательно и Трескину, царскія права надъ Сибирью, противъ которыхъ что могли подѣлать епископы и ихъ духовенство! (См. о степени власти сибирскаго генераль-губернатора въ П. С. З. т. XXIX,

№№ 22123, 22143, и въ т. XXX, № 22823 и 23738).

Даже просвѣщеніе азычниковъ свѣтомъ Божественнаго Православія было приостановлено произвольнымъ извращеніемъ законовъ со стороны Пестеля и Трескина. Такъ какъ существовали указы, запрещающіе обращать инородцевъ въ крѣстныхъ, „чтобы Сибирская земля не пустѣла“, то установилась тогда система, по которой инородцевъ почти насильно крестили, превращая по документамъ въ коренныхъ православныхъ, и затѣмъ дѣлали ихъ крѣстными. Такое извращеніе всякаго понятія о благочестіи при тогдашнемъ чиновничьемъ самовластіи дѣлало миссіонеровъ жалкими приелужниками и невольными пособниками сибирскихъ крѣстныхиковъ. Конечно, инородцы смотрѣли на Православіе какъ на преддверіе рабства, и потому даже преслѣдовали миссіонеровъ и охотно шли въ мусульманство, успѣвшее купить себѣ у чиновниковъ недоступными для православныхъ льготы (См. II. С. З. т. XXIII, № 17099—о дозволеніи магометанамъ покупать земли и заселять ихъ; т. XXV, № 18596—объ охранѣ свободы киргизовъ; № 19145—о выдачѣ наградъ за счетъ Кабинета за исправный платежъ ясака; № 19196—о сохраненіи калмыкамъ разбирательства по ихъ обычному праву; т. XXVI, № 19325—о принятіи на почтѣ всѣхъ татарскихъ писемъ на Высочайшее имя; т. XXVI LN 20171—грамота о вольностяхъ кочевыхъ киргизовъ и т. XXX № 23039 о предоставленіи осѣдлымъ киргизамъ льготъ отъ всякихъ податей и службы на 10 лѣтъ и т. п). Помимо такого извращенія положенія и правъ Православія существовало насильственное опредѣленіе способныхъ духовныхъ юношей къ дѣламъ разныхъ свѣтскихъ

канцелярій (И. С. З. т. XXVI, № 19723). Вслѣдствіе этого даже личный составъ духовнаго сословія, умноженный прежними іерархами, неудержимо таялъ, такъ что время владычества Пестеля съ Трескинымъ ознаменовалось крайнимъ недостаткомъ кандидатовъ въ священство. Про Трескина всѣ историки въ одинъ голосъ говорятъ, что онъ „забылъ камчатскаго коменданта Кошелева, представлявшаго свѣтлый лучъ въ жизни края“. Кошелеву принадлежитъ честь дѣятельной борьбы противъ распространенія страшнаго венерической болѣзни, занесенной на Камчатку въ 1799 году „Сомовскимъ полкомъ“. Съ цѣлью предотвращенія заразы имъ была устроена въ сел. Малки на горячихъ ключахъ первая больница. Кроме того, Кошелевъ очень боролся противъ безумствъ русскихъ людей и противъ грабительскихъ операций русско-американской компаніи. И однако Трескинъ заморилъ Кошелева подъ судомъ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что время святительства владыкъ Амвросія и Михаила было временемъ крайняго упадка православнаго просвѣщенія въ Сибири и усиленія магометанства, зычества и всякаго иновѣрія, плодившихся на своихъ льготахъ на зависть православнымъ.

Тѣмъ не менѣе, оба іерарха не ослабѣвали въ поддержаніи отдаленныхъ церквей Якутска, Охотска и Камчатки и въ 1808 г. ими отправлено туда значительное пособіе и они добились особыхъ указовъ объ обезпеченіи Камчатскаго края провіантомъ (И. С. З. т. XXXII, № 25432), объ учрежденіи тамъ подъ наблюденіемъ мѣстнаго духовенства ремесленной школы (т. XXXIV, № 26698) и объ окладѣ продовольствіемъ для Гижигинскихъ жителей (№ 26931).

Но самая драгоценная заслуга иркутскаго владыки Михаила заключалась въ томъ, что онъ успѣлъ уговорить раззореннаго мѣстною администраціею мѣщанина Саламатова „пронести до Государя мірекую и духовную“ жалобу на пестельскіе порядки“. Жалоба была составлена владыкою Михаиломъ въ домѣ купца Трапезникова „съ тайностію подъ крестнымъ цѣлованіемъ“, послѣ чего Саламатовъ захватилъ по пути жалобу въ Тобольскѣ отъ архіепископа Амвросія и подалъ въ 1818 г. все написанное лично Императору Александру I. Слѣдствіемъ этой жалобы была отдача Пестеля подъ судъ съ полнымъ разгромомъ всѣхъ его подражателей и сподвижниковъ. Тогда же былъ назначенъ на Камчатку комендантомъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, который послѣ несчастнаго Кошелева представлялъ новый свѣтлый лучъ въ жизни области. Когда онъ оставилъ Камчатку, то его преемнику Станицкому Высочайшимъ указомъ 1822 г. было строго предписано „при управленіи Камчаткою соблюдать правиламъ флота капитана Рикорда и воздерживаться отъ всякихъ переменъ“. Такъ кончилась сибирская эпоха отъ Ермака до Пестеля и началась съ графа Сперанскаго новая, уже теперь вполне заслуживающая себѣ конца за дальне-восточное бездѣлье.

Одновременно съ разгромомъ Пестеля добились сибирскіе владыки Амвросій и Михаилъ указа 1820 г. о запрещеніи иностранцамъ селиться въ Охотскѣ и на Камчаткѣ (Вагинъ, т. II, 357). „дабы отклонить происходящее отъ нихъ разсѣяніе Христову просвѣщенію“. Завершилась же заботливость обоихъ владыкъ о церковныхъ интересахъ въ Сибири удаленіемъ изъ Пекина вольничавшей миссіи подъ начальствомъ извѣстнаго ученостію, но слабаго по характеру архимандрита Іакинѣа

Бичуринна взамѣнъ каковой миссіи была послана новая изъ двухъ іеромонаховъ Вепіамина и Даниїла подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго.

Во дни упомянутыхъ архипастырей появилася съ 1817 г. въ Сибири разрѣшенная по ходатайству главы методистовъ Рихарда Ватсона англійская миссія, раздававшая населенію книги Св. Писанія, переведенныя на русскій языкъ съ искаженіями въ протестантскомъ духѣ. Помимо этихъ переводовъ англійскіе миссіонеры безпрепятственно распространяли въ средѣ грамотныхъ людей напр. такіа изувѣрскія сочиненія: — „Тайнство Креста“ (*Mystere de la croix*), въ которой синоды и вселенскіе соборы названы „звѣремъ, порожденіемъ Вавилона и духомъ антихристовымъ“, и „Побѣдная повѣсть“, обѣщающая торжество надъ Православіемъ для менонитовъ, сепаратистовъ, методистовъ, піетистовъ, квакеровъ и проч. Стараніями англійской миссіи былъ введенъ въ моду по Сибири ихъ „Сіонскій Вѣстникъ“, въ которомъ одновременно съ масонскими бреднями проводилось отрицаніе святости постановленій и преданій Православной Церкви. Противъ всего этого англійскаго набѣга на Православіе трудно было архипастырямъ Амвросію и Михаилу что либо предпринять. Они сами по приказанію учрежденнаго въ 1817 году министерства духовныхъ дѣлъ поневолѣ состояли членами издававшаго означенныя книги Британскаго Библейскаго Общества и были вынуждены отписываться отъ грозныхъ запросовъ по поводу ихъ слабаго содѣйствія англійскому посяганію ересей. На глазахъ у архипастырей Библейское Общество переписывалось съ раскольниками и открыто поддерживало ихъ жалобы на духовенство, пользуясь своимъ влия-

ніямъ въ Петербургѣ. Помимо раскольниковъ стояли на сторонѣ этого вѣятельнаго общества и всѣ разночинцы и служебные люди Сибири, которые были уже въ то время заражены собственнымъ безнаказаннымъ своеволіемъ, обиліемъ преступнаго люда и вѣявшимъ изъ внутренней Россіи западнымъ вольнодумствомъ.

Въ такое-то время Тобольскій преосвященный Амвросій Келембетъ покинулъ кафедру и его мѣсто заступилъ 28 октября 1822 г. Амвросій Рождественскій (Вѣщезеровъ), святительствовавшій до 14 февраля 1825 года. Послѣ него архинастыремъ Тобольскимъ былъ съ 30 сентября 1825 года Евгеній Казанцевъ, переведенный потомъ въ Рязань съ 7-го августа 1831 г.

На Иркутской же кафедрѣ продолжалъ святительствовать до 5-го августа 1830 г. владыка Михаилъ Бурдуковъ. Ему Богъ судилъ видѣть въ жизни сибирскихъ православныхъ людей нѣсколько свѣтлыхъ лѣтъ во время генераль-губернаторства М. М. Сперанскаго. Преосвященный Михаилъ служилъ Сперанскому опытнымъ совѣтникомъ и успѣлъ черезъ него довести до свѣдѣнія правительства о всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ, мѣшавшихъ распространенію православнаго просвѣщенія. Слѣдствіемъ этихъ представленій владыки Михаила было изданіе указа объ отобраніи зловредныхъ книгъ (П. С. З. т. XI, № 30191), вызвавшего прекращеніе англійской религіозной пропаганды въ Сибири, а также наступилъ поворотъ вниманія правительства въ сторону миссіонерскаго дѣла среди инородцевъ, выразившійся въ изданіи указа объ отправленіи монаховъ-миссіонеровъ и объ отпускѣ имъ казеннаго пособія (П. С. З. т. XI, № 30343).

Однако, достигнутые владыкою Михаиломъ

незначительныя мѣропріятія въ пользу Православія не имѣли тогда и не могли имѣть существеннаго значенія для жизни обширной Иркутской епархіи, потому что какъ разъ въ то время, по благосклонности сибирскихъ чиновниковъ, сильно оживилась проповѣдь ламанзма, которая очень приходилась по грѣшнымъ вкусамъ не только бурятъ, но и другихъ инородцевъ и даже русскихъ. Поэтому и настойчивое распоряженіе Св. Синода въ 1828 г. о посылкѣ въ область Иркутской епархіи способныхъ миссіонеровъ и объ устройствѣ при Тобольской семинаріи курсовъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ являлось недостаточнымъ противоязіемъ успѣхамъ языческой пропаганды.

По указу Св. Синода 1823 г. учреждена миссія въ Уналашкѣ на Алеутскихъ островахъ, куда владыкою Михаиломъ былъ отправленъ молодой 25-ти лѣтній священникъ Иркутской Благовѣщенской церкви Іоаннъ Евсевіевичъ Поповъ—Веніаминъ, просвѣтившій алеутовъ и Камчатскій край, прославившійся въ наукѣ изслѣдованіемъ объективныхъ богатствахъ края и дальне-восточныхъ острововъ и бывшій впоследствии подъ именемъ Иннокентія митрополитомъ Московскимъ.

Преемникъ Михаила архіепископъ Ириней Пестеровичъ остался на Иркутской кафедрѣ всего около года съ 26 іюля 1830 г. по 28 іюня 1831 г. и былъ оклеветанъ генераль-губернаторомъ Лавинскимъ „въ бунтѣ противъ свѣтскихъ властей“. Хотя владыка Ириней впоследствии доказалъ, противъ какихъ именно злоупотребленій чиновничества онъ протестовалъ, хотя и было имъ доказано, что самъ его обвинитель Лавинскій, помимо разныхъ самочинствъ, требовалъ для себя въ соборѣ возвышеннаго мѣста на подобіе цар-

скаго, но тѣмъ не менѣе владыка до самой своей смерти не получилъ кафедры и скончался въ 1864 г. на должности настоятеля Толгскаго монастыря близъ г. Ярославля. Свѣдѣнія объ его процессѣ и о несправедливостяхъ къ нему подробно изложены въ 35 - 37 том. „Рус. Старины“ и въ „Восточномъ Обозрѣнн“ за 1882 г., № 31.

Послѣ Ириней на иркутскую кафедру вступилъ 18 июня 1831 г. архіепископъ Мелетій Леонтовичъ. Въ то же время въ Tobольскѣ послѣ владыки Павла Морева (Павлова), занимавшаго кафедру съ 7 августа по 18 декабря 31 г., святительствовавь архіепископъ Афанасій Протопоповъ съ 24 января 1832 г. по 21 сентября 1842 г. Иркутскій архипастырь Мелетій—миссіонеръ по призванію и аскетъ въ личной жизни извѣстенъ своимъ знаменитымъ въ свое время „ставленническимъ катехизисомъ“ и не менѣе знаменитымъ пастырскимъ воззваніемъ къ бурятскимъ родоначальникамъ („Ир. Еп. Вѣд.“ 1872 г.). Это посланіе представляетъ первое въ исторіи церковнаго проповѣдничества убѣдительное обличеніе изменнаго ламанізма и потому много способствовало къ сокращенію успѣховъ этого темнаго языческаго іезуитизма. Пламенная борьба противъ безпредѣльнаго владычества ламъ чуть не стоила ему жизни: — подосланный ламантами убійца былъ схваченъ въ то самое время, когда ломился въ келію высокопреосвященнаго.

Владыка Мелетій былъ основателемъ Алтайской миссіи, въ которой при немъ началъ свои подвиги первый алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій Глухаревъ, ушедшій на покой въ 1843 г. и скончавшійся въ Болховскомъ Троицкаго Оптина монастырѣ въ 1847 г.

Владыка же Мелетій совмѣстно съ Tobоль-

скимъ высокопреосвященнымъ Афанасіемъ нехлопоталъ образованіе Томской и Енисейской епархій, которая открыта въ 1834 г., а также Камчатской епархій, открытой въ 1740 году, на которой первымъ епископомъ состоялся знаменитый Иннокентій Веніаминовъ. Тогда же были образованы владыками для просвѣщенія якутовъ духовныя миссіи съ двумя походными церквами—Благовѣщенскою и Николаевскою.

Первый Томскій епископъ Агапъ Вознесенскій, святительствовавшій съ 12 августа 1834 г. по 10 юня 1841 г., принималъ имѣть съ тобольскимъ владыкою Афанасіемъ дѣятельное участіе по борьбѣ противъ раскольниковъ всевозможныхъ сектъ, населявшихъ обѣ епархій. Святительскія братскія посланія къ раскольникамъ, распространенныя во множествѣ, производили сильное впечатлѣніе на простонародье и не мало душь спасли отъ ада. Владыки прилагали особыя заботы къ распространенію единовѣрія и при нихъ возникли въ Сибири первыя единовѣрческія церкви.

Во дни названныхъ архиепископовъ удостоилась Сибирь перваго Высочайшаго посѣщенія:— Августѣйшій Наслѣдникъ Престола Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1837 г. обозрѣвалъ Западную Сибирь до Ялуторовска и Кургана и, убѣдившись по докладу Тобольскаго владыки Афанасія, въ эксплуатаціи евреями религіозной вражды между православными и раскольниками, отдать личное приказаніе о воспрещеніи евреямъ селиться въ Сибири, что потомъ было подтверждено особымъ указомъ.

По перемѣненіи Иркутскаго епископа Мелетія въ 1835 г. въ Харьковъ былъ его преемникъ Иннокентій Александровъ съ 22 юля 1835 г. до 23 апрѣля 1838 г. Къ этому времени Камчатская

область была для административныхъ властей землею забвенною. Тамъ по конвенціи съ Великобританіей 28 февраля 1825 г. (т. XI, № 30233) и съ дозволенія министерства внутреннихъ дѣлъ, получившаго Камчатскій край на свое единоличное попеченіе (2 П. С. 3 т. III, № 1835), уже хозяйничали съ 1828 г. иностранцы на правахъ свободно-хищнической заграничной торговли. Одинъ только неутомимый іерей-миссіонеръ Іоаннъ Веніаминовъ продолжалъ на Камчатской окраинѣ поддерживать въ дѣйствіи живительную „закваску“ православнаго просвѣщенія.

И вотъ о немъ то, о будущемъ митрополитѣ московскомъ, очень заботился Иркутскій владыка Иннокентій Александровъ. *Этимъ архипастыремъ было содѣлано представленіе объ учрежденіи на Камчаткѣ епископской кафедрѣ въ цѣляхъ водворенія хоть какою-нибудь духовною облеченія для опытныхъ сердецъ темныхъ дикарей, изнывавшихъ отъ произвола культурныхъ иностранцевъ.*

Хлопоты владыки Иннокентія о Камчатской кафедрѣ продолжалъ и довелъ до конца преемникъ его архіепископъ Нилъ Исаковичъ изъ магистровъ Петербургской духовной академіи, пребывавшій на кафедрѣ съ 23 апрѣля 1838 г. по 24 декабря 1853 г. Даровитый по природѣ и всесторонне образованный высокопреосвященный Нилъ много путешествовалъ по дальне-восточнымъ окраинамъ и былъ отличнымъ знатокомъ инородческихъ вѣроученій. Его сочиненіе „Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ изслѣдованію его обитателей въ Сибири“, считается до сихъ поръ выдающимъ капитальнымъ трудомъ. Также замѣчательенъ отчетъ владыки Нила Св. Синоду, напечатанный въ „Хр. Чтеніи“ за 1840 г., и много интереснаго представляютъ

всѣ его записки, помѣщенные въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1868, 9—10 гг. Его личность и высоко-художественный талантъ по части оцѣнки иконописнаго творчества и глубокаго пониманія ближайшихъ задачъ истиннаго миссіонерства охарактеризованы въ удивительныхъ чертахъ нашимъ знаменитымъ писателемъ Н. С. Лѣсковымъ въ прекрасномъ разсказѣ „На краю свѣта“. Владыка Нилъ основалъ въ 1845 г. въ 257 вер. отъ Иркутска на лѣвомъ берегу р. Иркуты при Туранскихъ минеральныхъ источникахъ Нило-Столбенскую пустынь, служащую теперь благоустроеннымъ пристанищемъ для больныхъ, а ранѣе служившую цѣлямъ распространенія Православія на западной нашей границѣ съ китайскою Монголіею. Стараніями владыки Нила былъ устроенъ возлѣ Чаунской губы Николаевскій миссіонерскій храмъ. Первый настоятель этого храма священникъ Иркутской епархіи Андрей Аргентовъ простеръ словъ Евангельской проповѣди въ Чукотскіе предѣлы и составилъ важное въ этнографическомъ отношеніи первое обстоятельное описаніе Чукотскаго мыса. При владыкѣ Нилѣ были усилены и упорядочены миссіи и построены много церквей среди бурятскихъ поселеній, а также переведены богослужебныя книги на Монголо-Бурятскій языкъ.

Сподвижникомъ архіепископа Нила по переводу книгъ и по просвѣщенію бурятъ былъ Николай Іосифовичъ Ниловъ—Доржѣевъ. Замѣчательна судьба этого человѣка. Родомъ монголъ изъ племени Дзалеиръ-удзонцевъ и ревностный ламаистъ, онъ во время своихъ языческихъ созерцательныхъ подвиговъ увидѣлъ во свѣ Св. Крестъ, сіявшій дивнымъ свѣтомъ надъ погруженною во мракъ Дауріею. Это видѣніе заставило его обра-

тяться къ Православію, при чемъ крестился и его 80-тилѣтній отецъ со всею семьею. Принявъ св. крещеніе въ Великій Четвергъ 1848 г. съ именемъ Николая, онъ сдѣлался ревностѣйшимъ христіаниномъ, служилъ въ Иркутской семинаріи учителемъ монголо-бурятскаго языка и переводчикомъ богослужебныхъ книгъ. Его старавіями была построена въ с. Гужирскомъ церковь во имя св. Николая Чудотворца, къ которой архіепископъ Нилъ рукоположилъ его во священника въ 1853 г. Послѣ того о. Николай съ 1854 г. переселился съ владыкою Ниломъ въ Ярославль и окончилъ жизнь въ Петербургѣ, занимаясь передоженіемъ богослужебныхъ книгъ на монголо-бурятскій языкъ. *„Имя сію не должно умереть“*, завѣщалъ владыка Нилъ въ своемъ упомянутомъ сочиненіи о Буддизмѣ въ Сибири. Да и какъ забыть о. Николая, когда ему обязана наша наука интереснѣйшими свѣдѣніями о вѣсѣхъ тайнахъ ламанзма, которыми лзмы страшно дорожили и которыя поэтому до чудесно-обращеннаго къ Православію о. Николая оставались никому изъ христіанъ неизвѣстными!

Отъ владыки Нила достался въ наслѣдіе петербургскому университету собранный имъ при путешествіяхъ по Сибири прекрасный минералогическій кабинетъ. Въ заботахъ о нуждахъ дикихъ сѣверо-восточныхъ окраинъ Сибири онъ пеходатайствовалъ учрежденіе съ 1852 г. Якутскаго викариатства, въ чемъ ему помогъ тогдашній генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ—графъ Амурскій, съ которымъ высокопреосвященный Нилъ состоялъ въ большой дружбѣ.

Встрѣтивъ въ 1841 г. Иннокентія Веніамінова, возвращавшагося изъ Петербурга въ санъ епископа Камчатскаго, архіепископъ Нилъ въ

сослуженіи съ нимъ рукоположилъ 6 апрѣля 1841 г. ревностнаго миссіонера изъ воспитанниковъ Рязанской семинаріи Дмитрія Хитрова въ священники якутской Преображенской церкви. Впослѣдствіи Дмитрій былъ походнымъ протоіереемъ-миссіонеромъ въ Якутскомъ краѣ, потомъ ректоромъ семинаріи, а съ 9 февраля 1868 г. подъ именемъ Діонисія викарнымъ епископомъ сначала Иркутской, затѣмъ Камчатской епархіи и, наконецъ, съ 12 января 1870 г. епархіальнымъ епископомъ Якутскимъ и Вилюйскимъ. Преосвященный Діонисій оставилъ по себѣ славу истиннаго просвѣтителя якутовъ, какъ составитель азбуки и грамматики ихъ языка и переводчикъ для нихъ Евангелія, Апостола и нѣкоторыхъ богослужебныхъ и общепользныхъ книгъ. Онъ, какъ изучившій Якутскій и Чукотскій краѣ въ теченіи 43-хъ лѣтънаго тамъ священства, былъ дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ его время въ Чукотской миссіи прославился просвѣдительными усиліями священникъ Петръ Смирновъ, а въ Китайской миссіи іеромонахъ Палладій. Этому послѣднему обязано русское правительство полученіемъ въ 1848 году обстоятельныхъ свѣдѣній о торговыхъ путяхъ изъ внутренняго Китая въ западный и къ границамъ Сибири.

Между тѣмъ, въ епархіяхъ, соедѣнныхъ съ Иркутскою и Камчатскою, въ періодъ архипастырства архіепископа Никола Исаковича, Діонисія Хитрова и Иннокентія Веніаминаова произошли перемѣны.

На Тобольской кафедрѣ послѣ архіепископа Афанасія свѣдѣтельствовали: — сперва Владиміръ Алаудинъ съ 14 ноября 1842 г., при которомъ скончался 28 марта 1843 г. извѣстный послѣдо-

ватель Сибири Петръ Андреевичъ Словоцовъ; и вслѣдъ за Владиміромъ—Георгій Яшуржинскій, съ 30 іюня 1845 г. по 1 апрѣля 1852 г. Оба названные владыки всецѣло отдавались борьбѣ противъ раскола и особенно противъ бѣглопоповщинскаго толка, облюбовавшаго для себя пермско-уральскія окранны Тобольской губ.

Такою же противораскольническую борьбу только еще въ большихъ размѣрахъ — вслѣдствіе обилія рационалистическихъ и изувѣрскихъ сектъ — велъ Томскій владыка Афанасій Соколовъ, заступившій съ 14 іюня 1841 г. мѣсто Агашта Вознесенскаго, а чрезъ 12 лѣтъ сдѣлавшійся преемникомъ Иркутскаго архіепископа Нила Исаковича. На Иркутской кафедрѣ владыка Афанасій прослужилъ недолго, всего около 3-хъ лѣтъ, и его мѣсто заступилъ съ 3 ноября 1856 г. Евсевій Орлинскій, оставившій кафедру 13 сентября 1860 г. своему знаменитому преемнику Парфенію Попову.

Преосвященный Парфеній изъ магистровъ Кіевской духовной академіи началъ свое архипастырское служеніе съ 14 марта 1854 г. на Томской кафедрѣ и чрезъ 6½ лѣтъ былъ перемѣщенъ на Иркутскую кафедру, на которой и оставался въ санѣ архіепископа до дня своей кончины, послѣдовавшей 21 января 1873 г. Онъ совершилъ мисіонерское путешествіе въ Туинскій край, описанное въ „Ирк. Епар. Вѣд.“ за 1871 г., и написалъ очень обстоятельное сочиненіе подъ заглавіемъ „Иркутская духовная миссія“.

Въ его время и по его ходатайству, направленному чрезъ генер. губ.-графа Муравьева, образована съ 25 мая 1861 г. Енисейская епархія, на которой въ одни годы съ нимъ святительствовавали:—сперва до 6 апрѣля 1870 г. Никодимъ

Казанцевъ, а затѣмъ до 31 марта 1873 г. Павелъ Поповъ, скончавшійся 25 мая 1877 г. въ бытность на Камчатской кафедрѣ.

Во дни названныхъ Енисейскихъ архиепископовъ были при содѣйствіи генер.-губ. Муравьева учреждены двѣ новыя викарныя кафедры: — Ново-архангельская въ Камчатской епархіи на о. Ситхѣ, существовавшая до 1870 г., а затѣмъ Селегинская, упраздненная 12 марта 1894 г. и, наконецъ, съ 10 июня 1870 г. Алеутская и Аляскинская.

Ново-архангельскую кафедру занималъ съ 29 марта 1859 г. до 9 ноября 1866 г. епископъ Петръ Екатеринбургскій, описавшій въ „Душеспособномъ Читаніи“ за 1860 г. (ч. 3) свое плаваніе изъ Аяна на о. Ситху и тамошній бытъ. Послѣ него вторымъ и послѣднимъ епископомъ былъ Павелъ Поповъ, перемѣщенный потомъ въ Енисейскъ и, наконецъ, на Камчатскую кафедру.

Алеутская и Аляскинская епархіи существуютъ до днесь. Первымъ епископомъ ея былъ Іоаннъ Митропольскій съ 5 июня 1870 г. до 12 апрѣля 1877 г. Второй епископъ — Несторъ Зассъ изъ лейтенантовъ флота, святительствовавшій съ 17 декабря 1878 г. Святитель Несторъ исключительно проповѣдывалъ противъ всякихъ вліяній иностранныхъ миссій — особенно противъ католическихъ и протестантскихъ. За такую ревность о Православіи онъ былъ сброшенъ съ борта парохода въ морѣ католическими миссіонерами. Уже много времени спустя волны морскія возвратили на берегъ любимой имъ Уналашки его тѣло совершенно неповрежденнымъ, и оно теперь покончено въ Уналашкѣ въ одинокой могилѣ, почитаемой даже язычниками.

Время вышеназванныхъ Иркутскихъ архиепископовъ Николая и Парфенія является въ исторіи

Сибири послѣднею величественною жатвою тѣхъ государственныхъ плодовъ, которыми такъ щедро дарила всю Державу Сибирь, воздѣлываемая руками православнаго апостольства и согрѣваемая благодатнымъ тепломъ православнаго просвѣщенія. Вообще-то въ жизни нашей державы дѣйствовало и дѣйствуетъ таинственный законъ, по которому у насъ всякій политическій успѣхъ идетъ только по свѣтлымъ слѣдамъ успѣха Православія. Въ періоды упадка Православія падаютъ и успѣхи политики, и во дни расцвѣта Православія расцвѣтаютъ и политическіе успѣхи. Эту неизяснимую жизненную связь государственнаго организма съ духомъ и свѣтомъ Православія особенно горячо сознавалъ генералъ, губернаторствовавшій во дни Иркутскихъ архимандритовъ Никола и потомъ Парфенія, графъ Н. Н. Муравьевъ. Онъ всегда пламенно отзывался на все нужды Православія и съ полною готовностью помогать каждому мѣропріятію, направленному къ распространенію владычества православнаго русскаго духа. И за это, Милосердіе Божіе и всеобщее сочувствіе его государственнымъ планамъ помогли ему предупредить все коварныя замыслы англійской политики и овладѣть Амуромъ и Уссурийскимъ краемъ. Благодаря ему же тогда русская политика уже стояла твердою ногою на о. Цусимѣ. И будь бы у Муравьева въ ту пору достаточныя силы и средства для укрѣпленія русскаго владычества на о. Цусимѣ, командуящемъ проливами Броуна и Крузенштерна и преграждающемъ доступъ изъ японскихъ водъ въ Желтое и Восточно-Китайское моря тогда Россія была бы обладательницею ключа отъ Тихаго Океана (Ист. В. 1882 г., т. IX, № 7, стр. 129—163). Вотъ до какихъ горизонтовъ еще такъ недавно простирался русскій государствен-

ный духъ, воспитанный на закваскѣ Православія. Но какъ только свѣтская власть позволила себѣ нѣсколько пренебрегать велѣніями интересовъ Православія, такъ въ ту же минуту зашатался прежде всего Дальній Востокъ. Въ 1867 году за 7,200,000 долларовъ мы потеряли Аляску въ 23,000 кв. миль съ естественными богатствами на неисчислимые миллиарды. Еще нѣсколько ранѣе была оставлена почти на произволь еудьбы Камчатка, проявившая героизмъ 17-го 24-го августа 1854 г. во время нападенія англичанъ. Наконецъ, въ 1866 году былъ очищенъ о. Цусима и возвращенъ Японіи, которая отъ такого дара удеситерила свою дерзость и теперь держитъ весь Дальній Востокъ въ угрожаемомъ положеніи. Указанныя невознаградимыя политическія потери какъ разъ совпадаютъ съ временемъ страннаго пожертвованія интересами Православія въ пользу ламантскаго язычества и еще болѣе страннаго увлеченія противными природѣ русской души новѣйшими принципами Запада. Все это точно предвидѣли три знаменитые сибирскіе современники:—Иркутскіе владыки Нилъ, Парфеній и ихъ другъ гр. Н. Н. Муравьевъ, дружно прилагавшіе все мѣры къ удержанію дальне-восточнаго населенія въ повиновеніи духу Православія. Они единодушно заботились объ устройствѣ правильнаго средоточія православной жизни тамъ при посредствѣ епископской власти. И Господь даровалъ имъ знаменіе, что именно новые свѣточн Божественнаго Православія угодны Ему для блага Россіи.

Такимъ знаменіемъ было появленіе на новоучрежденныхъ ими трехъ кафедрахъ достойныхъ святителей, изъ которыхъ Селегинскій Вениаминъ Благонравовъ оказался достойнымъ совре-

менникомъ апостола Дальняго Востока Иннокентія Веніамінова, который въ одни съ нимъ годы святительствовалъ въ Благовѣщенскѣ. Бывшій профессоръ Казанской духовной академіи и предшій 5-ти лѣтнюю школу труда по духовно-учебной части, Веніаминъ былъ хиротонисанъ 5 февраля 1862 г. и вступилъ на Селенгинскую кафедру въ 39-ти лѣтнемъ возрастѣ съ запасомъ силъ, знаній, энергій, апостольскаго воодушевленія и съ выдающимся литературнымъ талантомъ. Послѣ 6-ти лѣтней службы въ Селенгинскѣ, онъ святительствовалъ 5 лѣтъ въ Камчатской области, затѣмъ около 20 лѣтъ въ Иркутскѣ. За 30-ти лѣтній періодъ онъ обстоятельно изучилъ дальне-восточныя окраины, какъ святитель-миссіонеръ и какъ ученый, вдумчивый и проникновенный наблюдатель всего, что ему встрѣчалось на трудномъ ненастномъ пути. Его путешествія по р. Ангарѣ и ея притокамъ въ Тункинскій край, по Якутскому тракту, р. Ленѣ и ея притокамъ, по Аларскому и Илимскому трактамъ, по Забайкалью, по Иркутскому, Балаганскому и Якутскому округамъ, описанныя въ „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1874—7, 82 и 84 гг., полны удивительныхъ картинъ и свѣдѣній, которыя представляютъ научную и бытовую цѣнность. Въ его подробнѣйшихъ описаніяхъ о состояніяхъ Забайкальской, Амурской и Камчатской духовныхъ миссій за время съ 1862 г. по 1872 г. каждый миссіонеръ найдетъ готовое жизненное руководство на что именно слѣдуетъ обращать вниманіе, какія нужды и явленія должно подмѣчать и какъ надо дѣйствовать при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, чтобы миссіонерскій трудъ имѣлъ положительные результаты (См. въ „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1863—4, 66—8 и 72 г.г. и

въ „Духов. Бесѣдѣ“ за 1865 и 7 г.г. Особенно выдающимися являютя повѣствованія пресвященнаго Веніамина о „дѣятельности Камчатской мисси“ и „о Камчаткѣ“, а также о пребываніи между коряками („Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1872—3 г.г., въ „Дом. Бесѣдѣ“ за 1873 г., въ „Миссіонерѣ“ за 1874 г. и въ „Прав. Обзор.“ за 1880 г.). Сдѣланное имъ всестороннее изслѣдованіе о гольдахъ, ороценахъ, гилякахъ, корейцахъ, чукчахъ и корякахъ, напечатанное въ № 16 „Моск. Церк. Вѣд.“ за 1881 г. обратило на себя вниманіе всего ученаго міра. Возбужденное владыкою Веніаминомъ „дѣло о препятствіяхъ, чинимыхъ Камчатской миссiei съ цѣлью своекорыстнаго противодѣйствія обращенію камчадаловъ въ православную вѣру“,—опубликованное въ №№ 26 и 27 „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1874 г.—заключаетъ въ себѣ неопровержимое доказательство того, что неукротимая вражда противъ Божественнаго Православія кроется не въ дикости инородцевъ, а въ грубости нравовъ самихъ ихъ цивилизованныхъ опекуновъ. Владыкѣ Веніамину принадлежитъ слава крещенія и просвѣщенія Аларскихъ бурятъ, проживавшихъ по р. Ирети въ степи между Московскимъ трактомъ и Саянскимъ хребтомъ.

Долгое и внимательное наблюденіе надъ бурятскимъ міромъ и близкое знакомство со всѣми уголками этого міра дало владыкѣ Веніамину богатѣйшую возможность представить въ 1863 г. Св. Синоду обширную записку „О Ламскомъ идолопоклонническомъ суевѣрiи въ Восточной Сибири“. Въ этой запискѣ заключается такая обстоятельная критика непомѣрной любезности къ идолопоклонническому суевѣрiю во вредъ православному просвѣщенію и такъ много въ ней убѣ-

дительныхъ доводовъ, указывающихъ на жестокую государственную опасность отъ дальнѣйшаго потворства ламаизму, что даже самъ архипастырь рѣшился опубликовать свою записку только спустя 20 лѣтъ послѣ представленія ея Св. Синоду и напечатать ее лишь въ 1882 г. въ „Прав. Обзоръ“. (сентябрь стр. 164—186).

Изъ означенной записки о ламаизмѣ православная Россія впервые узнала, какъ въ Сибири многіе чиновники поступались закономъ, собственною совѣстью, интересами Православія, русскими правами и казенными землями, лишь бы только устроить ламъ какъ можно лучше, лишь бы только имъ, да ихъ ламантамъ было бы хорошо. Въ этихъ цѣляхъ, для удобства ламъ съ ихъ дацанами-монастырями, наполненными бездѣльною, изувѣрскою арміею бандитовъ (въ родѣ идольскихъ пономарей) и ховараковъ (учениковъ) съ ширетуями (настоятелями дацановъ) во главѣ и подъ общимъ владычествомъ языческаго папы — хамбо-ламы, наши сибирскіе правители, вопреки Высочайшей воли, провели въ жизнь неутвержденное „Положеніе 15 мая 1853 г. о ламайскомъ духовенствѣ“. А въ 1860 г. даже позволили себѣ дѣлать представленія объ угодныхъ ламамъ измѣненіяхъ въ этомъ незаконномъ но тѣмъ не менѣе осуществленномъ положеніи. При такихъ условіяхъ неудивительно, что не только обратившіеся къ православной вѣрѣ буряты, но и коренное русское простонародье, имѣвшее несчастіе оказаться въ сосѣдствѣ съ ламантами, называли и до сихъ поръ изнываютъ подъ безпредѣльною властью изувѣрныхъ ламъ. Самъ владыка Веніаминъ при обзорѣнн своей Селенгинской паствы испыталъ на себѣ въ 1862 г. беззаказное надругательство со стороны хамбо-ламы Чайрупа

Банчинова, ѣздившаго вездѣ съ многочисленною свитою вездѣ за архипастыремъ и призывавшаго все населеніе подѣ страхомъ мести къ непослушанію архіерею Христову. Подѣ вліяніемъ такого привилегированнаго положенія для ламаизма при полномъ безправіи и беззащитности для православныхъ людей были въ 1857—62 г. г. случаи фанатическаго нападенія язычниковъ на православныхъ священниковъ. Между тѣмъ, сами ламанты даже еще при первомъ расцвѣтѣ своего могущества чувствовали себя въ такой силѣ, что по призыву политическихъ сеньяльныхъ Банзарова и Бакунина собирались тогда отложиться отъ Россіи и возстановить свое „Чингисъ-ханово царство“. Насколько вообще ужасно положеніе православныхъ тамъ, гдѣ водворился ламаизмъ, видно изъ того, что самъ владыка Веніаминъ былъ вынужденъ въ 1864—66 г. г. добиваться отвода хоть какихъ-нибудь надѣловъ крещенымъ людямъ. Онъ и мечтать не смѣлъ о допускѣ ихъ въ степныя думы, потому что Иркутскій губернскій совѣтъ всегда отклонялъ признаніе за христіанами равноправія съ язычниками и, наконецъ, журналомъ 3-го мая 1872 г. за № 21 рѣшительно отказалъ христіанамъ въ равноправіи „впредь до преобразованія ламантскихъ учрежденій“.

Таково основанное на фактическихъ данныхъ содержаніе двухъ записокъ высокопреосвященнаго Веніамина „о ламскомъ суевѣрїи и „о положеніи христіанъ въ бурятскихъ обществахъ подѣ начальствомъ язычниковъ“. Приходится въ доказательство неимовѣрнаго роста языческой тѣмы подѣ владычествомъ ламъ добавить, что въ 1773 г. былъ у нихъ всего одинъ дацанъ (монастырь) Ходонскій, черезъ 10 лѣтъ появился второй, Тушуйскій, еще черезъ 13 лѣтъ третій—

Ачинскій, а теперь имѣется 34 дацана, къ которымъ принадлежать до 10,000 ламъ и разныхъ прислужниковъ языческаго изуверства. Такъ же ужасающе великъ ростъ количества ламантовъ. Въ 1727 году ихъ почти не было; въ 1848 г. насчитывалось 125 тысячъ, а теперь ихъ до милліона и уже наблюдаются частыя обращенія въ ламанизмъ всевозможныхъ инородцевъ.

Высокопреосвященный Веніаминъ, какъ убѣжденный преемникъ духа приснопамятныхъ строителей русскаго дѣла въ Сибири и замѣчательный знатокъ государственной жизни, съ особеннымъ воодушевленіемъ указывалъ на вредъ подобныхъ вышеописаннымъ всякихъ искусственно поставленныхъ препятствій для евангельской проповѣди среди сибирскихъ инородцевъ. Онъ утверждалъ, что дѣло православнаго просвѣщенія есть дѣло жизненное и, слѣдовательно, не церковное только, но и государственное, и что поэтому какіе бы то ни было государственные акты, гарантирующіе привилегированную обособленность сибирскихъ инородцевъ съ ихъ языческими суевѣріями, могутъ только помѣшать, а не помочь правильному развитію государственнаго строительства.

Такое убѣжденіе владыки Веніамина, сложившееся при свѣтѣ всего предшествовавшего историческаго опыта Православія въ Сибири, изображено съ неопровержимой обоснованностью въ его произведеніи „Объ обязанностяхъ русскаго государства по обращенію инородцевъ и раскольниковъ къ Православной Русской Церкви“. Заключавшееся въ этомъ произведеніи краснорѣчивое истолкованіе основныхъ началъ, которыми должны опредѣляться отношенія государственной власти къ Церкви въ дѣлѣ обращенія инородцевъ и рас-

кольниковъ, представляеть собою безошибочное указаніе прямого пути къ народному единству и крѣпости государственнаго организма.

Не сбылись надежды высокопреосвященнаго Веніамина на исправленіе правотъ и понятій интеллигенціи, выраженныя имъ въ краснорѣчивѣйшей пламенной статьѣ подъ заглавіемъ: „Обязанности русскаго государства по обращенію иновѣрцевъ и раскольниковъ къ Православной Русской Церкви“. Безграничная критика вѣры Христовой сдѣлалась пріятнымъ занятіемъ для очень многихъ людей, именующихъ себя просвѣщенными. Очевидно, за 40 лѣтъ съ того времени, какъ появилась послѣдняя статья владыки Веніамина, людскіе нравы ни чуть не отрѣшились отъ того пагубнаго настроенія, которое съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ сердца отрицалъ высокопреосвященный.

Вообще же онъ оставилъ въ своихъ произведеніяхъ такое великое духовное наслѣдіе, что оно и теперь служить и долго еще будетъ служить для современныхъ дѣятелей православнаго просвѣщенія неисчерпимымъ и жизненно-свѣжимъ источникомъ назиданій и позанмствованій.

Одного убѣжденія съ владыкою Веніаминомъ быть и одного направленія держался его современникъ епископъ Мартиніанъ Муратовскій, святительствовавшій съ 9 февраля 1869 г. на Селенгинской кафедрѣ, потомъ съ 17 октября 1877 г. на Камчатской, и оставившій Сибирь только 11 мая 1885 г. вслѣдствіе перемѣщенія на Таврическую кафедру. Онъ совершилъ одинаковый съ архіепископомъ Веніаминомъ подвигъ апостольскихъ путешествій и оставилъ по себѣ записки о важнѣйшихъ задачахъ православной миссіи, какъ орудія государственности, напечатанныя въ „Мис-

сіонеръ" за 1878 г. и въ „Моск. Церк. Вѣд.“ и „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1884 г.

Такой же апостольскій путь прошелъ въ дальне-восточныхъ окраинахъ съ 5 ноября 1878 г. въ теченіи около 15 лѣтъ преемникъ Мартиніана на Селенгинской кафедрѣ Мелетій Якимовъ, оставившій свои обширныя миссіонерскія записки въ „Ирк. Епарх. Вѣд.“ за 1887—8 г. г.

Но особенно выдавшіеся изслѣдованія дальне-восточныхъ окраинъ совершилъ въ теченіи 15-ти лѣтняго святительства тамъ Макарій Дарскій, бывшій съ 9 октября 1883 г. первымъ епископомъ на Киренской викариой кафедрѣ, учрежденной по ходатайству приснопамятнаго печальника Дальняго Востока архіепископа Веніамина Благообразова. Владыка Макарій, послѣ 6-ти лѣтняго святительства на Киренской кафедрѣ, пребывалъ съ 15 іюля 1889 г. на Селенгинской и, наконецъ, съ 25 октября 1892 г. на Камчатской кафедрахъ. Его путешествія въ Илимскій округъ, по Верхней Тунгузкѣ и въ Тункинскіе станы, лежащіе къ сѣверо-западу отъ Байкала въ ложбинахъ и долинахъ между Байкальскими и Саянскими горами, оставили свѣтлый слѣдъ въ жизни инородцевъ, изъ которыхъ многихъ онъ обратилъ въ Православіе.

Въ полномъ единодушіи съ вышеуказанными свѣтильниками Дальняго Востока слагалось духовно-просвѣтительное русское дѣло и у ихъ современниковъ въ, Енисейской, Томской и Тобольской епархіяхъ.

Въ Тобольской была еще въ 1870 г. учреждена Березовская викариая кафедра, на которой святительствовалъ Ефремъ Рязановъ, пріостановившій раскольничью пропаганду среди тобольскихъ инородцевъ.

Въ то же время въ предѣлахъ Томской епархіи возникъ Благовѣщенскій монастырь въ Алтайскихъ горахъ, устроенный по инициативѣ игумена Макарія Невскаго для нуждъ Алтайской миссіи начальникомъ этой миссіи архимандритомъ Владиміромъ Петровымъ. Преосвященный Владиміръ съ 16 марта 1880 года былъ первымъ епископомъ на Бійской кафедрѣ, учрежденной по ходатайству Томскаго архимонастыря Петра Екатерининскаго и впоследствии—съ 9 іюля 1889 г. сдѣлался его достойнымъ преемникомъ.

Сподвижникъ епископа Владиміра по Алтайской миссіи игуменъ Макарій Невскій снискалъ среди населенія Алтая такую любовь, что былъ у нихъ не только пастыремъ-учителемъ, но и судьей совѣсти. А его духовные стихи знали тамъ и до сихъ поръ знаютъ наизусть почти всѣ дѣти. Этотъ неутомимый труженникъ 28 лѣтъ обогрѣвалъ ниву православнаго просвѣщенія на Алтай свою поэтическою душою, исполненною чувствомъ глубокаго благожеланія. Онъ былъ преемникомъ епископа Владиміра на Бійской кафедрѣ, а затѣмъ, послѣ Исакія Положенскаго,—и на епархіальной Томской съ 26 мая 1891 г., гдѣ до сей поры пользуется пламенною сыновнею привязанностью всего православнаго населенія.

Послѣ Владиміра и Макарія святительствовавъ на Бійской кафедрѣ и руководить Алтайской миссіей апостолъ киргизовъ Владиміръ Синьковскій, передавшій свою паству съ 30 апрѣля 1894 г. епископу Меодію Герасимову. Владыка Меодій передъ тѣмъ 12 лѣтъ состоялъ сподвижникомъ упомянутыхъ четырехъ архимонастырей Томской епархіи по Алтайской миссіи, гдѣ прошелъ всѣ степени священства и прославился какъ способ-

нѣйшей заплывающей миссіонерскимъ катехизаторскимъ училищемъ и какъ дѣятельный начальникъ всѣхъ миссій въ Томской епархіи.

Если православное просвѣщеніе на дальневосточныхъ окраинахъ имѣло противъ себя много искусственно созданныхъ свѣтскою неразумительностью и сохранившихся до сихъ поръ затрудненій описанныхъ въ статьяхъ „Наши миссіонерскія задачи на Амурѣ“ („Владив“, 1885 г. № 25) и „Трудности миссіонерской службы на Амурѣ и Уссури“ („Ирк. Епарх. Вѣд“, 1887 г.), то еще болѣе затрудненій испытывало дѣло Православія и въ Томской епархіи. Во времена вышеупомянутыхъ томскихъ архипастырей дѣйствовали законоположенія: 1) отъ 16 августа 1864 г. о свободѣ раскольниковъ домовыхъ богослуженій и требоисправленій и 2) отъ 19 апрѣля 1874 г. объ установленіи полицейской метрической регистраціи ихъ браковъ, рожденій и смерти. Такое признаніе законной силы за фанатическою обособленностью раскольниковъ развуждало ихъ до того, что они къ 1880 г. уже имѣли свои тайныя типографіи (Дѣло архив. Том. губ. правл. св. 110 за 1880 г.) да и до сихъ поръ ими пользуются со всевозможными цѣлями. Хотя свѣтская власть видѣла въ дарованіи имъ вольностей справедливое продолженіе системы „свободъ, примѣненной передъ тѣмъ къ язычникамъ-ламамъ тамъ, и оправдывала свою снисходительность къ раскольникамъ желаніемъ удержать ихъ отъ бѣгства „за волю въ Бѣловодье Опоньскаго царства (Японію)“, но отъ этого православное просвѣщеніе, а съ нимъ и государственное дѣло только страдали. При такихъ условіяхъ одна оборонительная отписка противъ раскольниковъ навістовъ отнимала у томскихъ архипастырей и ихъ сподвижниковъ

много драгоценнаго времени. Приходилось имъ при всей правотѣ испытывать положеніе подозреваемыхъ въ инквизиторствѣ и въ то же время заслонить собою православное стадо отъ хищныхъ волковъ, организованныхъ съ 1862 г. первымъ раскольниковымъ ижеархіереемъ въ Сибири Савватіемъ Левшинымъ-Кулаковымъ и его замѣстителемъ Меодіемъ Выдрицкимъ изъ шайки конокрадовъ.

Еще въ худшемъ положеніи обстояло дѣло православія въ Якутской и Енисейской епархіяхъ, служившихъ по закону 7 іюля 1835 г. мѣстомъ есылки вредившихъ сектантовъ и политическихъ преступниковъ, гдѣ нравственное одичаніе доходило у крещеныхъ людей въ 1861 г. до шаманскихъ человѣческихъ жертвоприношеній („Туруханскій край“ въ зап. И. Р. Геогр. Общ.), а въ 1883 г. до людоедства („Енис. Губ. Вѣд.“ 1883 г. и „Сибирь“ 1883 г. № 49).

Тѣмъ не менѣе, къ благополучію дѣла православнаго просвѣщенія въ Якутской епархіи, тамъ, со времени учрежденія ея 4 ноября 1889 года 14 лѣтъ руководствовалъ паствою вышеупомянутый епископъ Діонисій Хитровъ, оставившій очень цѣнное во всѣхъ отношеніяхъ описаніе своей поѣздки въ Чукотскую миссію въ 1868—9 гг.

Послѣ него святительствоваъ Іаковъ Домскій съ 8 января 1884 г. и, наконецъ, вышеупомянутый изслѣдователь инородческой жизни епископъ Мелетій Якимовъ. Духъ этихъ архипастырей и ихъ доступность и готовность на всякое добро много способствовали къ поддержанію власти Православной Церкви въ этой области, переполненной анархіей сектантства и преступности. Въ ихъ дни основалась Покровская Нининская община въ 83 вер. отъ Якутска, сдѣлавшаяся убѣжищемъ

для безпріютныхъ, преслѣдуемыхъ ссыльными женщинами и дѣвѣцъ.

Въ Енисейской епархіи въ тѣ же годы святительствоваали епископы: Антоній Николаевскій съ 31 марта 1873 г., Исаакій Положенскій съ 30 мая 1881 г. и Тихонъ Донебинъ съ 8 марта 1886 г., слѣвавшійся потомъ достойнымъ преемникомъ приснопамятнаго архіепископа Иркутскаго Веніамина Благоправова. Архипастырская дѣятельность этихъ владыкъ развивалась съ замѣчательною преемственностью. Они одинаково были подушевлены заботами о сооруженіи новыхъ оплотовъ Православія. Епископъ Антоній основалъ въ 1878 г. Успенскій общежительный монастырь въ Красноярскѣ съ богадѣльнею, больницею для духовенства епархіи и школою иконописанія и ремесель. Епископъ Исаакій въ смутные 1881—83 годы отлива народовольческой крамолы изъ внутренней Россіи въ Сибирь неутомимо разсылалъ пастырскія посланія, предостерегавшія населеніе — какъ выражался владыка — отъ злоумышленниковъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, хотящихъ завладѣть народною душою, дабы неказить ее до своего состояніи зѣброподобнаго*

На долю же владыки Тихона Донебина выпалъ высокій жребій осуществленія святительскихъ плановъ его знаменитаго предшественника Веніамина Доброправова по образованію оплотовъ Православія въ преддверіи дальне-восточныхъ окраинъ. По его ходатайству въ Забайкальской области съ 12 марта 1894 г. былъ назначенъ отдѣльный архипастырь Георгій Орловъ и въ его время образовалась самостоятельная Владивостокско-Камчатская епархіа съ 1 января 1899 года.

Первымъ архипастыремъ на эту дальне-восточную каедрѣ вѣтушилъ съ Камчатской каедрѣ

7 марта 1899 г. и санъ состоитъ высокопреосвященный Евсеvій Никольскій.

Владивостокско-Камчатская епархія вначалѣ заключала въ себѣ Южно-Уссурийскій край, Сахалинъ, Командорскіе острова и Камчатку съ громадными Анадырскимъ, Гижигинскимъ и Удскимъ уѣздами, а потомъ съ 1907 г. добавлены всѣ приходы Манчжури и Харбина и, наконецъ, съ 1908 г. по указу Св. Синода отъ 27 октября 1908 г. за № 12565 присоединена учрежденная въ 1897 г. Корейская миссія съ ея 9-ю заграничными станами. Сверхъ того, владыка Евсеvій основалъ Посѣтскую походную миссію. Такимъ образомъ, епархія заключаетъ теперь въ себѣ болѣе 1½ милл. кв. миль. На этомъ пространствѣ при открытіи ея было до 100 тысячъ населенія, а теперь оно удвоилось и быстро возрастаетъ вслѣдствіе притока русскихъ переселенцевъ.

Владыка Евсеvій при вступленіи на епархію нашелъ всего 60 церквей и 38 церковно-приходскихъ школъ, но за 10 лѣтъ его святительства число церквей возросло до 126, образовалось 3 походныхъ церкви для нужды русскихъ переселенцевъ и насчитывается 105 школъ.

Духовное управленіе епархіею открыто высокопреосвященнымъ Евсеvіемъ 21—22 марта 1899 г., при чемъ въ то время ни для владыки, ни для консисторіи не было собственныхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего владыка нѣкоторое время вынужденъ былъ проживать на квартирѣ въ еврейскомъ домѣ, а консисторія долго втилась въ домъ каедральнаго протоіерея о. А. Муравьева.

Въ самомъ началѣ своего управленія епархіею высокопреосвященный Евсеvій посѣтилъ православные приходы на Сахалинѣ, Командорскихъ островахъ, на Камчаткѣ и по всему побережью

отъ Тигили до Гижигинска, Охотска и поста Де-Кастри, жители котораго доставятъ себѣ священника зимою съ низовьевъ Амура (Благов. енарх.), а лѣтомъ съ Сахалина. Одно кратковременное появленіе архипастыря въ указанныхъ отдаленныхъ и забытыхъ цивилизаціею мѣстностяхъ ознаменовалось массовыми обращеніями инородцевъ къ Православію, что ясно свидѣлствуетъ о готовности сердецъ въ этихъ взрослыхъ младенцахъ для Христова сѣва. Хотя для нихъ культурные сограждане не представляютъ до сихъ поръ такой среды, которая укрѣпляла бы въ нихъ привязанность къ правиламъ православной жизни и не давала бы имъ уходить изъ подъ материнской власти Св. Церкви, но тѣмъ не менѣе, въ нихъ живъ и силенъ идеаль дѣтскаго сердца. Они только все твердятъ:— вѣра христіанская— великая, свѣтлая вѣра, и если бы Царь бумагу прислалъ, чтобы мы все крестились, тогда мы давно побросали бы своихъ боговъ, которые все только отнимаютъ, ничего не даютъ*.

Личное ознакомленіе съ зрѣлою для Христа жатвою, гибнущею въ дѣтствѣ отсутствія духовныхъ вождей и отъ произвола всевозможныхъ хищниковъ, побудило владыку Касевіа къ ходатайству о назначеніи на Камчатскій полуостровъ викарнаго епископа, дабы онъ служилъ тамъ неотступнымъ руководителемъ православнаго просвѣщенія и дѣятельнымъ свѣточемъ нравственной жизни.

Сѣверо восточныя окраины Камчатской области отстоятъ отъ резиденціи епархіальнаго архіерея въ 35 дняхъ морского пути, при чемъ лѣто при холодномъ морскомъ теченіи, омывающемъ берега полуострова, не каждый годъ позволяетъ совершить путь въ оба конца, а сухой путь и очень

дологъ и непосилень. Вслѣдствіе этого приходы по цѣлымъ годамъ остаются безъ пастырей, а имѣющіеся пастыри чувствуютъ себя въ положеніи нравственно-одинокихъ и беззащитныхъ передъ навітами хищныхъ иностранцевъ и русскихъ порочныхъ людей. Но какъ только появится вблизи нихъ архипастырь-руководитель, сострадалецъ и заступникъ, такъ съ той же поры начнется быстрое и правильное развитіе православной жизни въ этой суровой области, богатой дѣтскою простосердечностью коренныхъ обитателей и дарами океана, моря, рѣкъ и пустынь („Взглядъ на значеніе Камчатки въ будущемъ.“ — „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1858 г. №№ 36, 37 и 41; „Записки Филиппеуса о Камчаткѣ и Охотскомъ морѣ“, СПб. 1885 г. и „Промыслов. богатства Камчатки“, — отчетъ док. Н. Слюнина СПб. 1895 г.) Вѣдь на Камчаткѣ въ южной ея половинѣ въ періодъ 1831—7 г.г. при начальникѣ Голенищевѣ было земледѣліе, имѣются медоносныя травы для пчеловодства, но только нужна культурная инициатива, нужно сочувственное отношеніе ко всемъ обитателямъ, нужна правительственная бережливость къ дарамъ области и нужно правильное средоточіе для свиторусской жизни, а также по примѣру 1820 г., необходимо суровое законодательное противодѣйствіе вліянію иностранцевъ, уже расоряжающихся ея богатствами, какъ военною добычею.

Тяжелые дни пережила Камчатская область въ недавнюю японскую войну. Японцы съ особеннымъ стараніемъ разорили въ Петропавловскѣ кладбищенскій православный храмъ и невообразимо осквернили св. образа и престолъ. А въ настоящее время тѣ же японцы лично и съ помощью пронырливыхъ евреевъ и другихъ г.г. ссыльныхъ

наводняютъ область кощунственными прокламаціями, внушающими грамотнымъ людямъ ненависть къ Православію и ко всему русскому. Многочисленные ламы, японскіе бонзы, и политическіе соглядатаи, всевозможные еретики и противогосударственные агенты католическаго и протестантскаго вѣроученій изъ Америки, Англіи и Даніи уже устремились неудержимымъ потокомъ во Владивостокско-Камчатскій край съ богатымъ запасомъ средствъ, приманокъ и угрозъ. Ихъ религіозная пропаганда отторгаетъ отъ организма русской государственности душу за душою и сердце за сердцемъ, чтобы такимъ путемъ подготовить въ ближайшемъ будущемъ безкровное окончательное политическое отторженіе отъ Россійской Державы этого огромнаго, богатаго и важнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ края.

Уже появилось предвѣстіе грядущихъ грозныхъ событій. Начатая калмыкомъ Четь-Чалнамамъ проповѣдь объ изгнаніи изъ Сибири русскихъ и о возстановленіи „ойротовскаго царства“, т. е. золотого вѣка, распространяется съ ужасающею быстротою. Конечно, грозный для православнаго русскаго духа успѣхъ буддійской — панмонгольской пропаганды Четь-Чалнама и его послѣдователей имѣетъ свой корень въ современныхъ политическихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Счастливая для Японіи война 1904—5 гг. и полученныя ею большія права по Портсмутскому договору воспламенили у японцевъ идею панмонголизма и сильное стремленіе провозгласить Японію царицею желтаго міра. Съ этими угрожающими бѣлому міру цѣлями японское правительство щедрою рукою теперь развиваетъ и поддерживаетъ основавшуюся въ Кіото секту буддійскихъ лезунговъ Инси-Хонганзи, осыпая ее

золотомъ, привилегіями и всѣми благами широкой дипломатической поддержки. Глава этой секты „лордъ-аббатъ“ Оотани-Козуи родственникъ микадо—разсылаетъ по всему матеріку Азии тысячи своихъ пропагандистовъ и уже создалъ на боевыхъ началахъ буддійскій тройственный союзъ изъ буддистовъ Японіи, Индіи и Китая. Такимъ то вотъ образомъ и появились въ нашей Сибири въ великомъ множествѣ глашатаи объ „ойротовскомъ царствѣ“ на подобіе вышеупомянутаго ненавистника Россіи Четь-Чалпана. Они дѣйствуютъ убѣжденіемъ и золотомъ. А у насъ въ конецъ расшатано государственное чувство и на помощь противъ панмонголизма сыплются одні фразы да гроши при полномъ пренебреженіи къ Православію и историческимъ устоямъ. Наприм., всѣмъ памятенъ прискорбный недавній случай, когда секта Ниси-Хонганзи получила разрѣшеніе на сооруженіе кумирни въ нашемъ Владивостоцѣ. Городская дума дала ей для этого бесплатно участокъ земли. Отсюда является однимъ только шагомъ проникновеніе вліянія секты Ниси-Хонганзи къ нашимъ бурятамъ и калмыкамъ, признающимъ главенство далай-ламы, съ которымъ графъ Оотани установилъ нынѣ сношенія. Нельзя не видѣть, что въ буддійскомъ мірѣ Восточной Азии происходитъ какая-то сильнѣйшая эволюція, за поступательнымъ движеніемъ которой слѣдить крайне важно и въ научномъ и въ политическомъ отношеніи. А между тѣмъ даже въ петербургскомъ обществѣ есть кружки, сочувствующія и слѣдующія уполномоченному отъ лорда-аббата Оотани-Козуи нѣкоему фонъ-Чинскому, извѣстному подъ именемъ „Мага Пунаръ-Бавы“. Даже устроено буддійское капище, содержимое на средства упомянутой секты Ниси-Хонганзи.

Теперь не только сибирскіе миссіонеры, но и все русское населеніе воочію видить, какъ фантазія Вл. Серг. Соловьева о нападеніи желтаго міра на бѣлый (см. главу „Объ антихристѣ“, въ его сочиненіи „Три разговора“) начинаетъ превращаться въ готовое сбыться зловѣщее предсказаніе. При такихъ условіяхъ каждый миссіонеръ и приходскій священникъ долженъ либо дѣлаться сторонникомъ творящихся на Камчаткѣ беззаконій, либо быть героемъ и погибать жертвою, политически бесполезною.

Для разсѣянія вотъ этихъ то ужасовъ, а также, чтобы хоть сколько-нибудь помочь дальневосточному русскому населенію оправиться отъ недавняго военнаго и революціоннаго разгрома, и предположилъ теперь архіепископъ Евсевій учредить на Камчаткѣ постоянную кафедру епископа и Братство во имя Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса съ дѣятельнымъ пособіемъ этому Братству родственнымъ сочувствіемъ, силами, способностями, средствами отъ всего православнаго міра.

Высокопреосвященный Евсевій испыталъ на себѣ, какъ малосильны даже апостольская ревность миссіонеровъ и мужество сибѣтской власти, когда нѣтъ правильнаго преемства въ заботливомъ руководствѣ настроеніемъ и направленіемъ окружающей людской среды. Онъ пережилъ всѣ мучительныя затрудненія, вызванныя недавнею войною съ вѣроломными желтыми сосѣдями, а послѣ того—политическіе бунты, устроенныя пришлыми евреями и иностранными солдатами на почвѣ мѣтнаго духовнаго неумѣнья русскихъ. Почти 4 года была приостановлена его архипастырская дѣятельность бурными поли-

тическими событиями. Все кругомъ никло, отчаявалось, и шло въ разбродъ.

Но не падалъ духомъ одинъ высокопреосвященный свѣтильникъ благочестія и любви къ родинѣ. Однихъ утѣшалъ, другихъ увѣщевалъ и всѣхъ ободрялъ надеждою на скорое притупленіе двухъ нависшихъ надъ Дальнимъ Востокомъ мечей:—меча войны имеча крамолы, отточенныхъ русскими измѣнниками.

И почти въ самомъ началѣ этихъ подвиговъ его благочестія и милосердія снизошла съ благодатною помощью епископу Христову и всему его стаду Царица Небесная въ Высочайше дарованномъ образѣ „Торжества Пресвятыя Богородицы“. Подъ стопами Преподобной Владычицы, торжественно простершей передъ Собою Нерукотворенный Образъ Предвѣчнаго Просвѣтителя челоуѣчества, православныя очи узрѣли попираемые два сломанныхъ меча, объ избавленіи отъ которыхъ молился архипастырь,— узрѣли и пролили слезы радостной надежды. Всѣ утѣшились, всѣ ободрились, а болѣе всѣхъ самъ владыка Евсеvій, живущій только чужими радостями и для чужого счастья.

Въ молитвахъ передъ этимъ Монаршимъ благословеніемъ почерпнулъ архипастырь Евсеvій такъ много воодушевленія, что вторая половина десятилѣтія его святительства сдѣлалась въ исторіи Дальняго Востока свѣтлымъ періодомъ чудеснаго роста силотовъ Православія и просвѣщенія. За послѣдніе 5 лѣтъ удвоилось въ епархіи число храмовъ и утроилось количество школъ. Возникъ свѣчной заводъ, обезпечивающій насущныя нужды духовнаго управленія. Возникли разбѣдные причты и нѣсколько новыхъ миссіонерскихъ становъ. Возникло Братство Пресвятыя Богоро-

дицы при Уссурийскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, гдѣ неутомимый игуменъ Сергій изъ Валаамскихъ иноковъ съ помощію монастырской маленькой типографіи печатаетъ листки изъ дневниковъ приснопамятнаго о. Іоанна Кропшталтскаго и бесплатно раздаетъ православному народу.

Самъ владыка Евсеій устроилъ на Седанкѣ архіепископскій домъ съ храмомъ и школою, которую содержать на собственные средства, и съ бесплатнымъ пристанищемъ для духовенства, являющагося къ нему по дѣламъ паствы.

До сихъ поръ не осуществилось желаніе владыки имѣть собственную епархіальную типографію и духовныя семинарію и училище, жизненно необходимыя для быстро растущихъ приходоѵ епархій, во молитвы передъ Торжествующею Царицею Небесною и Побѣдною Путеводительницею русскаго православнаго духа окрыляютъ благоговѣйнаго архіастаныря надеждою, что его стремленія восторжествуютъ надъ всеми затрудненіями и опасностями для православнаго просвѣщенія.

Въ молитвахъ передъ чтимымъ Владивостокскою епархію образомъ „Торжества Пресвятыи Богородицы“ Господь исполнилъ владыкѣ Евсеію святое желаніе учредить особыя миссіи въ Манчжуріи и въ средѣ китайцевъ и образовать викарную кафедру для управления миссіонерскимъ дѣломъ въ западной половинѣ епархій и въ Корей.

Въ тѣхъ же молитвахъ передъ Торжествующею Царицею небесъ и земли воспламенилось въ скорбящей о Камчатской области душѣ владыки Евсеія благодатная мысль объ учрежденіи Камчатскаго Православнаго Братства во имя Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса. По

вдохновенному убѣжденію печальника Камчатскихъ обитателей приспѣло время благоприятное для восхода животворнаго свѣтила Божественнаго Православія надъ людьми, сидящими въ могильной тѣмѣ земли забвенной.

Камчатская область нуждается въ дарованіи тѣхъ же средствъ, какими три вѣка просвѣщалась и покорялась Сибирь, т. е. въ умноженіи храмовъ, приходовъ, походныхъ миссій, школъ съ общежитіями для дѣтей бродячихъ инородцевъ, больницъ для врачеванія недуговъ и мощныхъ организацій для пробужденія дремлющихъ въ инородцахъ силъ и способностей и для воспитанія и направленія ихъ на святорусское дѣло края.

Жизненно необходимо съ помощію Камчатскаго Православнаго Братства во имя Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса торжественно завершить 3-хъ вѣковое побѣдное шествіе православнаго просвѣщенія по Сибири.

Вся Православная Россія должна крѣпко помнить, что Нерукотворенный Образъ Всемилостиваго Спаса много вѣковъ предшествуетъ дѣлу нашего государственнаго строительства. Со знаменемъ сего Св. Образа подвизались древніе наши святые ратоборцы за единоедержавіе Александръ Невскій, Андрей Боголюбскій и Феодоръ Ярославскій. Съ этимъ образомъ Православная Русь въ XIV и XV вв. восторжествовала надъ дикими варварами Сибири—татарами и въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка надъ смутами враждебнаго Православію католицизма. Во имя сего Св. Образа были сооружены первый храмъ въ Tobольскѣ, послужившій колыбелью православнаго просвѣщенія Сибири. Сей же Св. Образъ первый изъ сибирскихъ святыхъ прославился въ Tobольскѣ въ XVII в. чудесами, доселѣ просвѣщающими

Сибирь. Въ молитвахъ передъ Нерукотвореннымъ Образомъ Всемилостиваго Спаса черпать воодушевленіе для своихъ преобразованій Царственный Попечитель о просвѣщеніи Сибири и всей Россіи Петръ Великій. Его малый домикъ, сію щій симъ Св. Образомъ, сдѣладеи по благодати и чудесамъ Всемилостиваго Спаса великою колыбелью основанной имъ Императорской столицы—Петербурга. Наконецъ, какъ уже выше сказано, въ тягостные дни японской войны Царственный потомокъ Великаго Преобразователя Государь Императоръ благоизволилъ духовно подкрѣпить православное населеніе Дальняго Востока, благословивъ его Св. Образомъ „Торжества Пресвятыя Богородицы“, на коемъ въ рукахъ Царицы Небесной и Побѣдоносной Путеводительницы Православнаго Мира красуется начало спасительнаго иконопочитанія и благодатное знамя нашей государственности—Нерукотворенный Образъ Всемилостиваго Спаса.

Такое убѣжденіе, вынесенное изъ исторіи православнаго просвѣщенія въ Сибири, побуждаетъ Владивостокско-Камчатскаго Архипастыря Высокопреосвященнаго Евсеія звать ко всему православному міру о насущной помощи словомъ и дѣломъ его обширнѣйшей въ мірѣ епархіи, гдѣ православные либо бѣдствуютъ, либо кочкуютъ въ одинаковомъ съ дикими язычниками невѣжествѣ на краю пропасти нравственнаго одичанія и распаденія.

Предпринятое Высокопреосвященнымъ Евсеіемъ святое дѣло просвѣщенія Камчатской области съ помощью Братства во имя Нерукотвореннаго образа Всемилостиваго Спаса есть дѣло общегосударственное. Братство поставляетъ себѣ главнѣйшею цѣлью содѣйствіе просвѣщенію Божествен-

нымъ Евангеліемъ остатковъ языческаго міра, уцѣлѣвшаго на дальне-восточныхъ окраинахъ, а также вознамѣрилось укрѣпить тамъ православную жизнь дѣятельнымъ образованіемъ такой среды, которая бы силою добрыхъ примѣровъ и попеченій удерживала просвѣщенныхъ православіемъ язычниковъ подъ материнскою властью Св. Церкви. Слѣдовательно, дѣло Братства есть дѣло жизненное и общенародное, требующее для себя дружной, воодушевленной поддержки со стороны всѣхъ государственныхъ жизненныхъ силъ и способностей. Именно теперь приспѣла пора всѣмъ православнымъ людямъ приложить все свое христіанское и вѣрноподданническое усердіе къ возстановленію и укрѣпленію на Дальнемъ Востокѣ и вообще по всей Сибири самаго сильнаго владычества нашей православной государственности. Уже близокъ 300-тъ лѣтній юбилей со дня избранія на Всероссійскій Престоль Предка Царствующаго Дома Романовыхъ Михаила Θεодоровича, повелѣніемъ котораго была учреждена въ 1620 г. Тобольская архипастырская кафедра—первосвѣтильникъ православнаго просвѣщенія въ Сибири. Предстоитъ, слѣдовательно, въ 1920 г. и второй во славу того же Царя и его Державнаго Дома 300-тъ лѣтній юбилей водворенія православной церковно-государственной жизни въ Сибири. А потому благовременно будетъ наканунѣ юбилей воцаренія Дома Романовыхъ положить начало окончательному осуществленія преемственнаго подвига Россійскихъ Самодержцевъ по покоренію сибирскаго язычества, дабы ко дню юбилей православнаго просвѣщенія въ Сибири пройти до конца этотъ подвигъ съ Братскимъ крестомъ Перуководвореннаго Образа Всемилоствиваго Спаса и торжественно завершить

сіе великое историческое дѣло, составляющее священную славу Дома Романовыхъ.

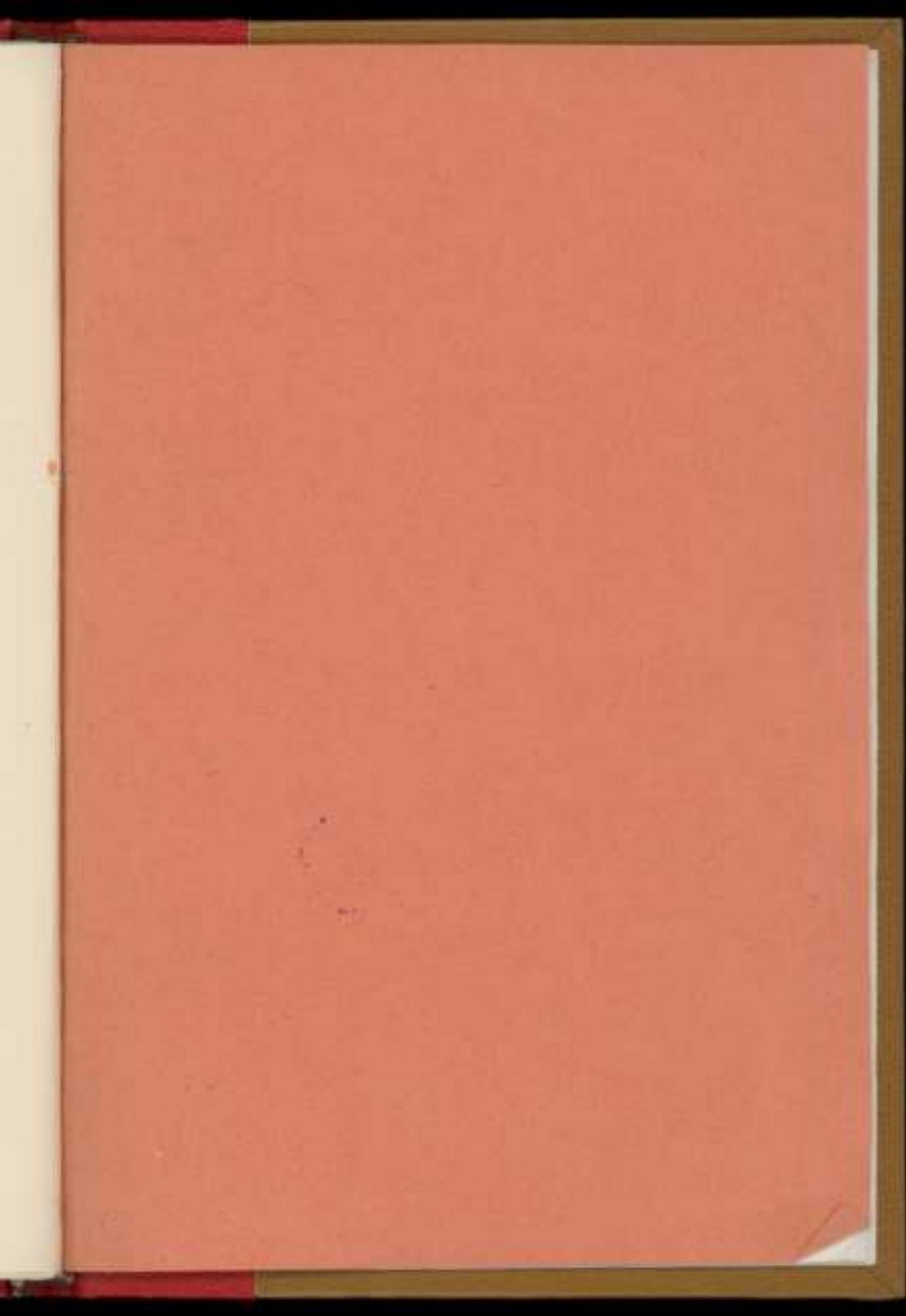
Поспѣшимъ же всею братскою семьею самоотверженно порадовѣть словомъ и дѣломъ о благополучіи своего Владивостокско-Камчатской области, какъ драгоценной части нашего Православнаго Отечества. Покровъ для насъ — братское знамя Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса. Надежда у насъ на небесное предстательство приснопамятныхъ православныхъ просвѣтителей Сибири и строителей въ ея предѣлахъ свѣтлорусской государственности. А источникъ благодатнаго воодушевленія да послужитъ намъ обращенный къ каждому рабу Божию великій заветъ Христовъ:— „Изыди на пути ѿ хаѣти, ѿ сѣвѣи вѣити, да наполнится Домъ Мой“. Лук. гл. 11, ст. 17.

Камчатскій миссіонеръ

Иеромонаха Нестора.

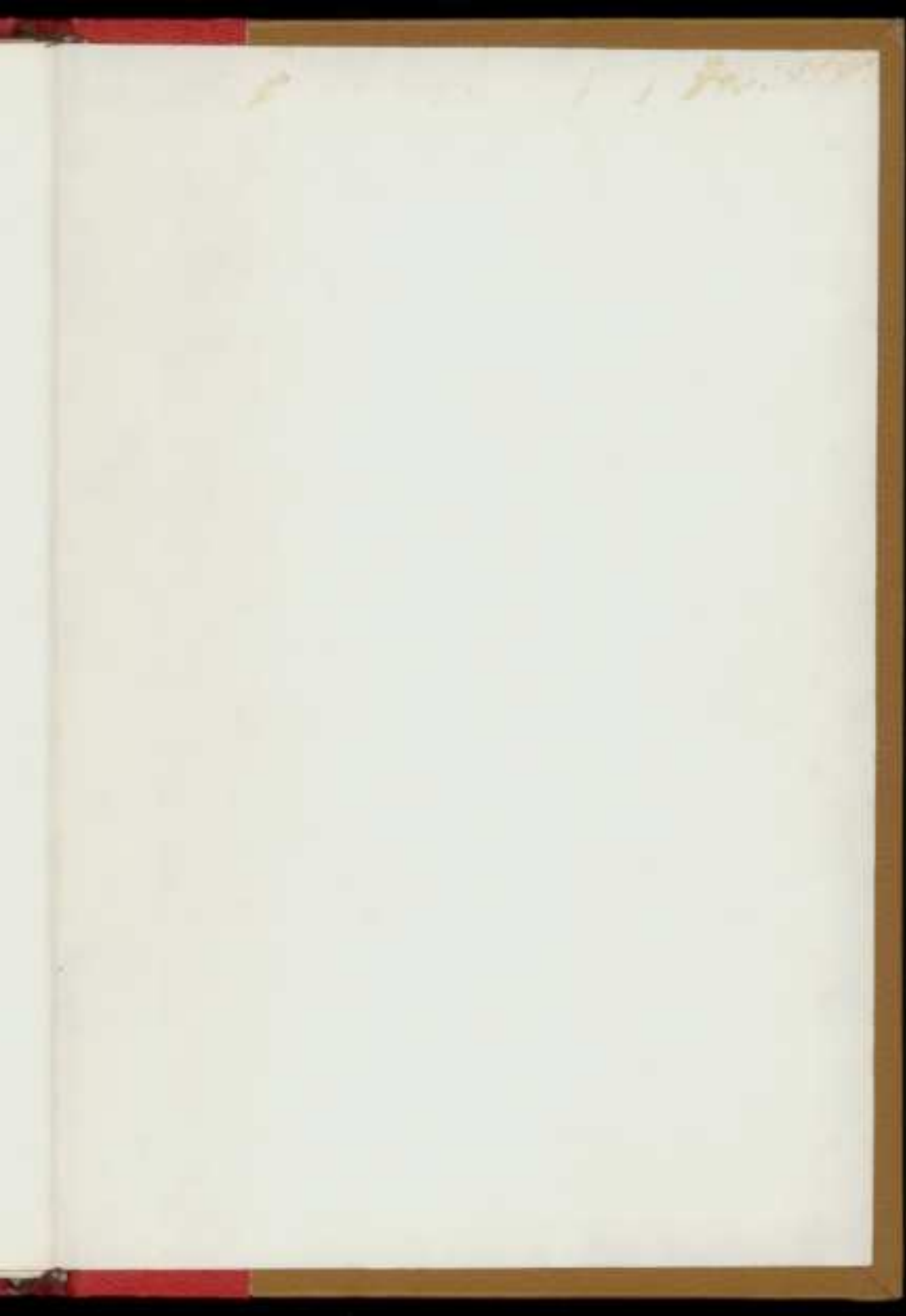
1910 г.

1131

ГПБ Русский фонд

34.85.6.1170